

И. Р. Чикалова

ПАРТИИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ, ЖЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

**ВО ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ,
ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

(1815–1914)

Ирина Чикалова

**Партии, профессиональные
союзы, женские организации
Франции, Германии,
Великобритании (1815–1914)**

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2015

УДК 329(44+430+410)"1815/1914"
ББК 66.6(4)

Чикалова И. Р.

Партии, профессиональные союзы, женские организации Франции, Германии, Великобритании (1815–1914) / И. Р. Чикалова — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2015

ISBN 978-985-08-1875-1

В монографии на примере Франции, Германии и Великобритании рассматривается становление и развитие общественных институтов, их место в социально-политических системах европейских стран в хронологических границах 1815–1914 гг. Показывается место в общественной жизни предшественников политических партий – тайных обществ, клубов и «движений», рассматривается процесс создания правовых основ регулирования деятельности общественных институтов, возникновение и деятельность социально-политических, хозяйственных, культурно-просветительских союзов, организаций, объединений, в том числе политических партий, союзов предпринимателей, профессиональных союзов рабочих, объединений служащих и инженерно-технических работников, женских организаций, охарактеризована социальная база партий и общественных объединений, показывается эволюция основных направлений социально-политических стратегий правивших элит рассматриваемых государств в отношении общественно-политической активности разных социальных групп населения. Книга адресована студентам, магистрантам и аспирантам, преподавателям истории и политологии средних и высших учебных заведений, всем проявляющим интерес к истории.

УДК 329(44+430+410)"1815/1914"

ББК 66.6(4)

ISBN 978-985-08-1875-1

© Чикалова И. Р., 2015

© Издательский дом “Белорусская
наука”, 2015

Содержание

Введение	7
Глава 1	20
1.1. Советская историография (1918–1990 гг.)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ирина Ромуальдовна Чикалова
Партии, профессиональные союзы,
женские организации во Франции,
Германии, Великобритании (1815–1914)

© Чикалова И. Р., 2015

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2015

* * *

Введение

«Старый порядок», установившийся в Европе после Венского конгресса и охраняемый «Священным союзом», легитимировал восстановление монархий и возвращение на троны представителей законных династий, консервировал феодальные отношения, лишал подавляющую часть населения политических прав, перекрывал самую возможность самоопределения народов. В то же время союзники по антинаполеоновским коалициям вынуждены были признать необратимость социально-экономических и политических перемен, которые принесли Французская революция конца XVIII в. и правление Наполеона Бонапарта. Следствием приспособления к сложившимся в послереволюционной Европе условиям стало сохранение во многих случаях за новыми собственниками (буржуазией, крестьянством) имущества и земли, полученных ими в результате конфискаций и секуляризации. В силу тех же причин были санкционированы компромиссы между дворянством и верхами буржуазии, уравнивание в правах старого и «нового» дворянства, созданного Наполеоном. Поэтому реставрация прежних династий, несмотря на желания и попытки многих вернувшихся к власти монархов, не сопровождалась восстановлением в полном объеме дореволюционных порядков, а напротив, не могла воспрепятствовать складыванию в странах Европы конституционных монархий и даже республик. Набиравший силу класс предпринимателей, обуржуазившееся дворянство, широкие слои населения осознают необходимость низвержения утвердившегося в Европе неонабсолютизма. Начиная от Венского конгресса простирается период, когда в посленаполеоновской Европе эволюция от неонабсолютистского к конституционному устройству инициировалась и мощно ускорялась демократическими движениями, революциями, национально-освободительной борьбой народов. Эти три потока развития неотвратимо разрушали остатки феодализма в Европе и модернизировали ее в русле укрепления капиталистической экономики и буржуазной государственности.

Со второй половины XIX столетия в странах Европы параллельно с укреплением институтов правового государства начинается поступательное развитие гражданского общества. В то время гражданское общество понимали как «социум минус государство», т. е. гражданское общество рассматривалось в качестве противовеса государству. С течением времени понятие «гражданское общество» трансформировалось, стало более объемным. По определению известного социального философа К. С. Гаджиева, «гражданское общество представляет собой форму самоорганизации людей, включающую разного рода добровольно сформировавшиеся негосударственные социальные, экономические, профессиональные, образовательные, религиозные, культурные и иные институты, организации, объединения, союзы» [170, с. 70]. Близко к этому и другое определение: «собственно гражданским обществом является сеть равноправных некоммерческих негосударственных организаций, отличающихся общественной активностью, связанной с социальным творчеством» [768, с. 29].

Такое понимание сущности гражданского общества позволяет определить круг негосударственных институтов, составляющих его сферу. Это – политические партии, профессиональные союзы, средства массовой информации и идеологические организации, добровольные ассоциации рабочих, фермеров, предпринимателей, общественные структуры и движения (церковные, женские, пацифистские, благотворительные и иные). Появление и широкое распространение многочисленных четко структурированных самоорганизующихся добровольных объединений граждан стало особенностью общественно-политической и хозяйственной жизни стран Европы. Объективными предпосылками и побудительными мотивами их возникновения стало расширение разветвленных экономических, социальных, культурных, духовных и других горизонтальных связей между индивидами, семьями, политическими и культурными ячей-

ками общества, хозяйственными единицами, укрепившееся осознание классовых, этнонациональных, экономических, религиозных, гендерных интересов.

Эти интересы выражали профессиональные союзы работников, союзы предпринимателей, женские, пацифистские, христианские общественные организации, ассоциации по сферам деятельности. Негосударственные общественные организации формулировали требования соответствующих социальных слоев и добивались их реализации законными ненасильственными средствами. Они не создавались государством и не подчинялись ему, но получили признание с его стороны, были автономны в осуществлении своих целевых установок, и вместе с государством составляли неразрывную общественно-политическую систему. В ней складывавшееся правовое демократическое государство выступало в качестве регулятора социальных отношений, инструмента разрешения социальных конфликтов, обеспечения условий гражданского мира и реализации идей прогресса. В странах Европы возникли объективные предпосылки формирования государственной социальной политики, защиты граждан через механизмы охраны труда, социального страхования по болезни, инвалидности и старости. Объектом внимания государства стало развитие народного образования. Государство создавало правовое поле деятельности негосударственных организаций путем юридических регуляций. Законодательно-нормативная база дает возможность проследить изменения основных направлений государственных социально-политических стратегий.

Результатом взаимных усилий государства и общественных движений стало расширение участия граждан в общественной и политической деятельности и избирательном процессе, свобода объединений, собраний, слова, юридические гарантии разумных пределов и условий труда, право на образование. Возросшая общественно-политическая активность разных социальных классов и групп населения в политической, социальной, экономической сферах, в том числе в избирательном процессе, ускорила процесс утверждения демократических принципов и свобод, обеспечения социальных и экономических интересов соответствующих классов и групп. При этом содержание общественно-политической жизни все больше определялось социально-политическими идеологиями и программами политических партий. Их становление исторически связано с расширением возможностей политического участия граждан в жизни общества вследствие распада традиционной для феодальной системы политической власти, возникновения и укрепления буржуазной государственности. Возросшая сложность общественно-политических связей, усиление политической активности граждан создали предпосылки для их сплочения в партийные организации. Одно из современных определений партии, предложенное коллективом российских авторов, характеризует ее как объединение для отстаивания собственных представлений о развитии общества: «Политическая партия является добровольным самоуправляющимся объединением граждан, создаваемым по их собственной инициативе для совместной реализации целей и задач, отстаивания собственных представлений на развитие общества» [717, с. 12].

Политическим партиям присущи некоторые общие черты: стремление к завоеванию политической власти как главная цель участия в политическом процессе; объединение граждан на основе общности политических взглядов, находящих воплощение в партийной программе; наличие формализованной постоянно действующей партийной структуры. Вместе с тем партиям присуща собственная специфика, позволяющая отнести их к определенным типам. По признакам организации и членства различались партии *кадровые* и *массовые*. По решаемым задачам и методам деятельности партии разделялись на *парламентские* и *авангардные*.

Кадровые партии не имели массового состава, не регистрировали членов, не собирали членские взносы, их основу составлял четко отлаженный и структурированный профессиональный партийный аппарат, на местах определяющую роль играли нотабли¹. Характери-

¹ Нотабль (фр. notable) – букв.: избранный, достойный избрания; заметный, значительный, известный; знаменитый житель,

зую формы и направления деятельности кадровых партий, один из крупнейших французских исследователей этого вопроса М. Дюверже обращал внимание на то, что они «базируются на небольших комитетах, довольно независимых друг от друга и обычно децентрализованных; они не стремятся ни к умножению своих членов, ни к вовлечению широких народных масс – скорее они стараются объединять личностей. Их деятельность целиком направлена на выборы и парламентские комбинации и в этом смысле сохраняет характер наполовину сезонный; их административная инфраструктура находится в зачаточном состоянии; руководство здесь как бы распылено среди депутатов и носит ярко выраженную личностную форму. Реальная власть принадлежит то одному, то другому клану, который складывается вокруг парламентского лидера; соперничество этих группировок и составляет жизнь партий. Партия занимается проблемами исключительно политическими, доктрина и идеологические вопросы играют весьма скромную роль; принадлежность к партии чаще всего основана на интересе или традиции» [265, с. 41–42, 118]. Такими были *Аксьон франсэз* и *Партия радикалов и радикал-социалистов* во Франции, *Немецкая консервативная партия* и *Партия свободных консерваторов* в Германии, *Консервативная партия* и *Либеральная партия* в Великобритании.

Массовые партии отличались официально оформленным персональным составом, наличием первичных организаций, регулярной уплатой взносов, жесткой партийной дисциплиной. Руководство осуществляли выборные центральные, областные (в административных границах территориальных единиц) и местные комитеты. К партиям этого типа относились *Французская объединенная социалистическая партия*, *Социал-демократическая партия Германии*. Дюверже писал, что массовые партии «основаны на вовлечении максимально возможного количества людей, народных масс. Здесь мы обнаруживаем четкую систему вступления, дополненную весьма строгим механизмом индивидуальных взносов, что в основном и обеспечивает финансирование партии <...> Комитеты уступают место “секциям” – рабочим единицам более широким и открытым, важнейшей функцией которых помимо чисто электоральной деятельности выступает политическое воспитание членов. Массовость членства и взимание взносов требуют создания значительного административного аппарата. В такой партии всегда есть большее или меньшее количество так называемых “постоянных” – то есть функционеров, которые естественно тяготеют к превращению в своего рода класс и закреплению определенной власти; так складываются зачатки бюрократии. Личностный характер руководства здесь смягчен целой системой коллективных институтов (съезды, национальные комитеты, советы, бюро, секретариаты) с настоящим разделением властей. В принципе на всех уровнях царит выборность, но на практике обнаруживаются мощные олигархические тенденции. Гораздо более важную роль внутри самой партии играет доктрина, так как личное соперничество принимает форму борьбы различных идеологических течений. Кроме того, партия выходит далеко за пределы собственно политики, захватывая экономическую, социальную, семейную и другие сферы» [265, с. 42].

Промежуточную нишу между кадровыми и массовыми партиями занимали *Партия Центра* в Германии и *Лейбористская партия* в Англии.

Парламентские партии борьбу за власть связывали с завоеванием депутатских мест в центральных и местных представительных учреждениях, в рамках которых и стремились реализовывать свои программные установки. Во Франции к ним относились *Партия умеренных республиканцев*, *Партия радикалов и радикал-социалистов*, *Партия POSSИБИЛИСТОВ*, *Партия независимых социалистов*. В Германии это были *Немецкая консервативная партия* и *Партия свободных консерваторов*, либеральные партии; в Англии – *Консервативная* и *Либеральная партии*.

почетный гражданин. В то же время нотаблями собирательно именуют лиц, избранных в местные органы власти – мэров, муниципальных и генеральных советников, а иногда и всех избранных лиц: депутатов Национального собрания, Сената, членов выборных консультативных органов государства.

Авангардные партии не ограничивали свою деятельность организацией выборов и руководством законотворческой деятельностью своих депутатов, но вели постоянную работу на местах, охватывая широкий круг идеологических, социально-экономических и культурно-просветительских проблем. Во Франции такой характер имела *Французская объединенная социалистическая партия*; в Германии – *Социал-демократическая партия*; в Англии – *Лейбористская партия*.

Многообразие организационных, идеологических, программных и иных элементов партий как социальных организмов позволяет классифицировать их и по другим параметрам. В контексте социально-политической ориентации партии подразделялись на консервативные (выступающие за сохранение существующего строя с допущением лишь очевидно необходимых изменений), реформистские (ориентированные на значительные преобразования существующего строя, но эволюционными методами и при сохранении основ базового устройства), революционные (не признававшие существовавшие порядки и ставившие целью их кардинальное и неотложное преобразование), реакционные (выступавшие за полный либо частичный возврат к прежним социальным порядкам).

Важнейшее место в социально-политической структуре европейских стран заняли профессиональные союзы. Они различались по целям и решаемым задачам. Во Франции различные ветви профсоюзного движения объединились во *Всеобщую конфедерацию труда*, воспринявшую идеологию анархо-синдикализма. В практической работе анархо-синдикалистам не удалось реализовать свои идеи преобразования общества путем «прямого действия» и «всеобщей стачки». В Германии социал-демократические профсоюзы учредили общегерманское объединение *Свободных профсоюзов*, охватывавшее преимущественно квалифицированных рабочих, ограничивавшее деятельность исключительно экономической сферой, склонное к достижению компромиссов в случае конфликтов с предпринимателями. *Свободные профсоюзы* не обладали монополией на единоличное представительство интересов рабочего класса. Возникли и действовали профобъединения с иной идеологией. Видное место занял *Союз немецких профсоюзов*, объединявший служащих и рабочую аристократию, исходивший из концепции единства интересов труда и капитала и стремившийся преодолевать производственные конфликты мирными средствами. Германия была первой страной, где рабочие союзы начала создавать церковь. Первоначально разрозненные, они соединились на платформе общности интересов рабочих и предпринимателей во *Всеобщее объединение христианских профсоюзов Германии*. Рабочих, которые, по терминологии промышленников, «проявляли добрую волю к труду», объединяли «желтые» профсоюзы. Большинство из них вошло в *Объединение германских производственных союзов*. В Великобритании легализация привела к формированию и быстрому развитию цеховых тред-юнионов, объединявших рабочих по профессиям, их членами могли быть только квалифицированные рабочие. Тредюнионы не ставили перед собой социалистические цели, исходили из общности интересов пролетариата и буржуазии, добивались от членов безоговорочного выполнения производственных обязательств перед хозяевами, своей задачей считали улучшение условий жизни и труда рабочих в рамках существующего строя, отрицательно относились к забастовкам, предпочитали урегулирование трудовых конфликтов. Социальная незащищенность и тяжелые условия труда неквалифицированных рабочих вызвали создание организаций так называемых *новых юнионов*. Их идеология исходила из противоположности интересов рабочих и буржуазии. Создание разветвленной профсоюзной сети и облегчение приема в тред-юнионы привлекло в их ряды новых рабочих. В целом в названных странах организованный пролетариат охватывал меньшинство промышленных рабочих, но составлял наиболее активную часть рабочего класса.

В рассматриваемое время широкими масштабами характеризовалось женское эмансипационное движение. Во Франции женские общественные организации в начале XX в. объединились в *Национальный Совет французских женщин* и *Союз борьбы за женское избира-*

тельное право. Их участники добивались правового уравнивания полов; включение женщин в общественную жизнь и допущения их на государственные должности; принятия обществом общих норм морали для обоих полов; создания единых программ обучения в школах; свободного доступа ко всем профессиям и введения равной оплаты за одинаковый труд. Но французское женское движение начала XX в. не стало влиятельным фактором французской политической жизни. В Германской империи, несмотря на негативное общественное мнение и прямое нежелание властей, женщины постепенно отвоевывали одну трудовую сферу за другой. Наибольшего продвижения они достигли в народном образовании. Женщин – допустили к службе на железной дороге, почте и телеграфе. Были достигнуты успехи в самоорганизации: удалось объединить все существовавшие в то время немецкие женские организации, кроме социалистических, в *Союз Германских женских организаций*. В Великобритании женщины получили доступ ко многим профессиям. Британское общество активно реагировало на проблему женского политического равноправия. Развернувшееся движение за предоставление женщинам права голоса организационно оформилось в различные суфражистские организации, объединившиеся затем в *Национальный союз женских суфражистских обществ*. Массовые кампании за предоставление женщинам политических и гражданских прав были результативны. Женщины получили право голоса на выборах в училищные советы, органы местного самоуправления разного уровня, возможность избрания в муниципальные советы и советы графств.

В связи со сказанным представляется актуальным обращение к анализу европейского общества с точки зрения развития в нем общественных институтов, роли последних в конструировании социальных отношений. Исследовательский интерес вызывают особенности создания правовых основ регулирования деятельности общественных институтов, процессы возникновения и деятельности социально-политических, хозяйственных, культурно-просветительских организаций, объединений и движений в Великобритании, Франции и Германии, в том числе политических партий, союзов предпринимателей, профессиональных союзов рабочих, женских организаций, а также эволюция основных направлений социально-политических стратегий правивших элит рассматриваемых государств в отношении общественно-политической активности разных социальных групп населения.

Хронологически работа охватывает 1815–1914 гг., что обусловлено характером и специфическими особенностями эпохи. В истории избранных для рассмотрения стран она характеризуется коренными переменами в государственном устройстве. Германский союз трансформировался в Северо-Германский союз, затем германские государства объединились в Германскую империю. Во Франции рухнул неоабсолютизм, возникла Вторая республика, сменившаяся режимом Второй империи, наконец, утвердилась Третья республика. Завершилось складывание парламентарной монархии в Великобритании. В границах этого времени изменился экономический строй вследствие завершения промышленной революции в ведущих странах Европы, создания на этой основе фабрично-заводской системы и индустриального общества. Установился экономический и политический контроль метрополий над колониями. Франция, Германия и Великобритания стали ведущими игроками сложившейся мировой системы хозяйства. Развитие монополистических объединений этих стран стало одним из факторов перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, что определило начало империалистической стадии его развития. Внедрение в политическую практику идей буржуазного конституционализма привело к утверждению в этих странах принципов демократии, прежде всего к расширению избирательного права и повышению роли парламентов. Создаются политические партии в их современном понимании. Консолидируются профсоюзы, и набирает силу рабочее движение. Активизируются общественные, в том числе женские, организации. Широко распространяются различные модификации социалистической идеологии и иные политические концепции. Приобретает более прогрессивные черты политика государств в сфере народного образования и социального обеспечения.

Есть все основания сказать, что в крушении установившегося в посленаполеоновской Европе неоабсолютизма, прогрессе гражданского равноправия, распространении политических свобод и народного представительства, росте гражданской активности, утверждении парламентской демократии как наиболее приемлемой формы государственного устройства, гарантирующей экономическую и политическую стабильность капиталистической системы, состоит один из важнейших итогов XIX века.

Документальная база исследования представлена нормативно-правовыми актами, документами политических партий и массовых общественных организаций, статистическими материалами, источниками личного происхождения, материалами периодической печати исследуемого периода.

1. *Конституции, нормативно-правовые документы и парламентские акты* широко представлены в опубликованных на русском языке переводах. В России интерес к западноевропейскому опыту социально-политического развития и утверждения конституционализма стимулировала Первая российская революция. Разными издательствами и в разных переводах с языков оригиналов под научной редакцией известных российских юристов-государственников были опубликованы сборники конституций европейских стран. Сборник «Тексты важнейших основных законов иностранных государств» был выпущен книгоиздателями М. и С. Сабашниковыми под редакцией известного юриста Ф. Ф. Кокошкина [934]. В него вошли некоторые конституционные законы Англии, а также конституции Франции 1791, 1814 и 1830 гг. В двух томах сборника действующих конституционных актов, изданных под редакцией В. М. Гессена и Б. Э. Нольде, приведены тексты конституций почти всех современных (на то время) государств [892; 893]. Каждую из них сопровождает небольшой исторический очерк. В 5 выпусках вышло в свет «Собрание конституционных актов» в издательстве В. М. Саблина [887]. В его первом выпуске помещены конституции Франции [888, с. 9–26], Германии [888, с. 27–46] и Пруссии [888, с. 47–58], во втором – Англии [889, с. 48–62].

Как известно, Великобритания не имеет конституции как единого официально принятого документа, но это не означает, что ее вообще нет. То, что считается британской конституцией, представляет собой свод конституционных обычаев и одновременно принимавшихся законов. За многие века их накопилось огромное количество, составители различных сборников приводят наиболее важные. Например, в «Собрание конституционных актов» и в труд американского профессора, будущего президента США В. Вильсона «Государство: Прошлое и настоящее конституционных учреждений» (в виде приложения) включены «Великая хартия вольностей, 15 июня 1215 г.», «Великая хартия Генриха III, 11 февраля 1225 г.», «Билль о правах, 13 февраля 1689 г.», «Закон о престолонаследии, 12 июня 1701 г.» [889, с. 48–62; 144, прилож.: с. 12–134]. Акты «О лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (26 мая 1679)», «О более действительном обеспечении свободы подданного (1 июля 1816)», «О народном представительстве (6 февраля 1918 г.)» помещены в качестве приложений в книге В. Н. Дурденевского «Иностранное конституционное право в избранных образцах» [262, с. 137–163].

Что касается Франции, полезен сборник конституционных законов, подготовленный юристом И. Д. Новиком, который изложение текста Конституции 1875 г. предварил историческим очерком о всех 9 французских конституциях, принятых в 1791–1875 годах [688]. Развитие конституционного процесса во Франции также отражает изданный в С.-Петербурге в 1905 г. сборник «Законодательные акты Франции». Он полностью приводит текст конституции страны 1848 г., а также текст трех конституционных (об организации Сената; об организации государственных властей; об отношениях государственных властей) и двух органических (об избрании сенаторов и об избрании депутатов) законов, составивших Конституцию 1875 г., а также более поздние дополнения и изменения Конституции, в частности, «Закон о частичном пересмотре конституционных законов от 14 августа 1884 г.» [342, с. 86–128]. «Собрание

конституционных актов», вышедшее в московском издательстве В. М. Саблина, и «Сборник действующих конституционных актов», опубликованный под редакцией В. М. Гессена и Б. Э. Нольде, дополнительно содержат ряд других документов по развитию конституционализма во Франции: «Закон о местопребывании исполнительной власти в Париже» от 22 июля 1879 г., «Закон о выборах по списку» от 16 июня 1885 г., «Закон о восстановлении одноименного вотума для выборов депутатов» от 13 февраля 1889 г., «Закон о множественных кандидатурах» от 17 июня 1889 года [888; 893]. Тексты конституционных законов Франции 1875 г. с более поздними изменениями, а также конституцию Германской империи содержит в качестве приложений, причем, как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык, труд А. Л. Лоуэлла «Правительства и политические партии в государствах Западной Европы» [548, с. 463–478, 495–532]. В. Вильсон, в свою очередь, к упомянутому выше исследованию приложил конституционные законы Франции, конституцию Германской империи и конституционную хартию Пруссии 1850 года [144, прилож.: с. 1–20].

Конституции Пруссии и Германской империи представлены во всех названных сборниках. На фоне других сборник «Современные конституции», вышедший под редакцией В. М. Гессена и Б. Э. Нольде, является наиболее информативным. Помимо собственно Конституции Германской империи, в нем опубликованы «Конституционный акт Прусского государства, 31 января 1850 г.», дополняющие его «Указ о производстве выборов во вторую палату, 30 мая 1849 г.» и «Указ об образовании первой палаты, 12 октября 1854 г.». Здесь же помещены «Конституционный акт Баварского королевства, 26 мая 1818 г.» и дополнившие его «Закон об инициативе сословных чинов, 21 июня 1848 г.», «Закон об ответственности министров, 4 июня 1848 г.», «Закон о выборах депутатов ландтага, 4 июня 1848 г.» в редакции 22 марта 1881 г. Приводятся также «Конституционный акт Баварского королевства, 26 мая 1818 года», «Конституционный акт Великого герцогства Баденского, 22 августа 1818 года», саксонская «Конституция 4 марта 1831 года» [892]. Что касается текста Франкфуртской конституции 1849 г., впервые она была опубликована на русском языке приложением к книге немецкого историка В. Блоса, посвященной революции 1848 г. в Германии, в переводе Г. Радомысльского [83, с. 458–481], ее второе издание в переводе В. Базарова и И. Степанова вышло в 1922 году [84].

Опубликование конституционных законов продолжилось в советское время. В. Н. Дурденевский к уже упоминавшейся монографии о конституционном праве, вышедшей в 1925 г., приложил и тексты самих конституций [262]. В разделе «Великобритания» фигурируют «Великая хартия вольностей 1215 г.», «Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточения за морями» (Хабеус корпус акт), «Билль о правах 1689 г.», «Акт о соединении с Шотландией 1706 г.», «Акт о парламенте 1911 г.». Данные конституционные акты Великобритании, продолжающие действовать и сегодня, традиционно включаются во все сборники современных конституций независимо от времени их издания. Фундаментальный труд – четырехтомник, охватывающий конституционное законодательство стран мира, был опубликован в 1936 г. [452]. Для данного исследования значение имеют содержащиеся в обоих изданиях конституционные акты Великобритании и продолжавшая действовать на тот момент конституция Третьей республики во Франции.

Собранием конституций ушедшей эпохи стал изданный под редакцией профессора П. Н. Галанзы сборник «Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков» [454]. В нем представлена коллекция английских документов, в числе которых «Великая хартия вольностей 1215 г.», «Петиция о правах 1628 г.», «Закон против рабочих коалиций 1799 г.», «Закон о рабочих коалициях 1825 г.», Акт о народном представительстве 1832 г., «Акт о народном представительстве 1867 г.». Из разнообразия французских конституций сборник публикует «Конституционную хартию 1814 г.» и «Конституцию Французской республики 1848 г.». Конституционный процесс в государствах Германии показан через «Конституционный акт Великого герцогства Баденского 22 августа 1818 г.», «Конституцию Саксо-

нии 4 марта 1831 г.», «Конституцию Германской империи 28 марта 1849 г.», «Конституционную хартию Пруссии 31 января 1850 г.», «Конституцию Германии 16 апреля 1871 г.». Линейку публикаций конституций – завершает сборник «Конституционные акты Германии нового времени (конец XVIII – начало XX в.)», подготовленный учеными Уральского университета [458]. В нем помимо других представлен текст конституции Северо-германского союза 1867 г. Наиболее авторитетное и фундированное издание документов конституционной истории Германии Нового и Новейшего времени подготовлено под руководством видного специалиста по государственному праву профессора Фрайбургского университета Эрнста-Рудольфа Хубера, электронная версия которого размещена в немецком домене интернета на портале «Конституции мира» [1106].

Изменения основных направлений государственной политики позволяют проследить *парламентские документы*. Например, в Великобритании подписанные монархом законы с 1882 г. систематически публикуются «Постоянной канцелярией его (ее) величества» отдельными сборниками [1104]. Более ранние законы являются также доступными для исследователя благодаря их оцифрованию и размещению на специальном интернет-портале, поддерживаемом национальными архивами от имени правительства Великобритании [1074]. Важнейшее значение имеют парламентские документы, характеризующие законотворческую деятельность. На постоянной основе издаются официальные отчеты и дебаты Палаты общин и Палаты лордов, сборники утвержденных ими биллей. Начиная с 1812 г. публикуются полные отчеты о прениях в обеих палатах, так называемые «Парламентские дебаты Хэнсарда» (сокращенно именуемые «Хэнсард» – по имени официального парламентского издателя К. Хэнсарда) [1091]. Материалы парламента издавались в виде отчетов за каждый день работы палат, в крупных еженедельных выпусках, которые в конце года сводились в большие тома, снабженные справочным аппаратом. К настоящему моменту материалы парламентских дебатов XIX в. полностью оцифрованы и размещены на официальном сайте парламента [1078]. Обширную информацию содержат материалы правительственных комиссий, с 30–40-х годов XIX в. периодически назначавшихся для обследования ситуации в различных сферах общественно-политической и экономической жизни. Важным источником являются так называемые «Отчеты и документы» – материалы, предоставляемые палатам министерствами и ведомствами и публикуемые в виде отдельных томов. В связи с обсуждением в парламенте важных законопроектов, в том числе по вопросам реформирования избирательного права, системы управления и тому подобным вопросам, правительство обнародовало соответствующие подборки документов. Из неофициальных публикаций следует отметить многотомное издание источников, выходящее с 1953 г. под названием «Английские исторические документы» [1081]. Документы XIX века содержат XII и XIII тома.

Аналогичны документальные фонды, образованные в связи с деятельностью Национального собрания Франции и Рейхстага Германии [1111] (последние публикуемые параллельно на английском языке [1089]). Таким образом, имеется достаточная документальная основа для изучения британского, французского и германского конституционализма и парламентаризма, преобразования политических систем в буржуазно-демократическом направлении.

Изучение социальных процессов в европейских странах XIX – начала XX в. облегчено наличием на русском языке полных текстов Гражданского кодекса Франции [982] и Гражданского уложения Германской империи [207], а также трудового и социального законодательства. Начиная с последней трети XIX в., новые программные принципы политических партий и государств в целом в отношении признания повседневных интересов широких масс населения нашли воплощение в ряде законодательных актов, заложивших основы государственной социальной политики европейских стран, опыт которых в этом направлении внимательно изучали в России, где опубликовали несколько сборников законов европейских стран по рабочему вопросу. Первые из них появились в связи с работой «Комиссии, учрежденной генерал-губер-

натором Москвы князем В. А. Долгоруковым», которая изучала иностранный опыт фабричного законодательства. В результате был издан двухтомник фабричных законов европейских стран. Один из томов охватывал фабричное законодательство Германии, Франции, Австро-Венгрии, Швейцарии, Дании, Швеции, Норвегии, Голландии и США [386]. Он включил тексты важнейших фабричных законов интересующих нас государств: Германии («Постановления Промышленного устава», 1869 г.), включая Эльзас-Лотарингию, находившуюся с 1871 г. в ее составе («Закон, относящийся к детям, работающим на фабриках, заводах и мастерских») и Франции (Закон о работах на фабриках детей и несовершеннолетних девушек, 1874 г., Декреты от 27 марта, 12, 13, 14 и 22 мая 1875 г., от 1 и 3 марта 1877 г.). Отдельный том документов, вышедший под редакцией члена комиссии И. И. Янжула, был посвящен фабричному законодательству Великобритании [39]. Самостоятельные выпуски сборников трудов Комиссии были посвящены английскому и швейцарскому законодательству об ответственности хозяев за несчастные случаи на производстве и фабричным инспекциям в Швейцарии и Англии [38]. Таким образом, благодаря этим публикациям сегодня доступны для исследователя важнейшие законы периода промышленной революции.

В публикации документов, отражающих европейский опыт развития социального страхования и защиты (законов о нормах рабочего времени, порядке назначения пособий по безработице, социальных выплат в связи с травматизмом, болезнью и инвалидностью, пенсий по возрасту), чрезвычайную активность проявляло Министерство финансов России. В 1899 г. по его поручению был издан сборник «Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими». В нем приводятся действовавшие в то время законы Англии, Франции, Германии, Дании, Швейцарии и Италии, в том числе: «Акт об ответственности хозяев» 1880 г. и «Акт о вознаграждении рабочих» 1897 г. (Великобритания); «Закон об ответственности за несчастные случаи» 1898 г. (Франция); «Промышленный устав для Германской империи» [382]. В 1905 г. Министерство финансов издало еще один сборник документов – «Иностранное законодательство по рабочему вопросу», в котором каждой стране посвящен раздел с отдельной нумерацией страниц. По *Великобритании* в него вошли – «Акт о рабочих союзах» 1871 г., «Акт в изменение акта о рабочих союзах 1871 г.» 1876 г., «Акт о страховых капиталах рабочих союзов» 1893 г., «Правила по актам о рабочих союзах 1871 и 1876 гг.», «Акт о заговорах и о защите собственности» 1875 г., «Акт о примирении» 1896 г. [383], по *Франции* – «Закон об учреждении профессиональных синдикатов» 1884 г. [335], по *Германии* – «Промышленный устав», «Закон о промышленных судах от 29 июля 1890 года (30 июня 1901 года)», «Постановления, касающиеся цеховых третейских судов», «Устав Сообщества немецких фабричных и ремесленных рабочих» [384]. В 1912 г. Министерство финансов опубликовало в полном объеме кодифицированные в единый свод германские законы о страховании рабочих под названием «Свод германских законов о страховании рабочих в издании 19 июля 1911 года». Юридические нормы свода в 1805 параграфах детально прописывают условия, порядок назначения и количественные размеры материального и денежного обеспечения в случае болезни, несчастного случая, инвалидности и по возрасту [8 63].

В целом указанный корпус официальных документов создает достаточно целостное представление о направлениях социальной политики и развития социального законодательства Франции, Германии, Великобритании.

2. *Программные документы политических партий и общественных организаций.* Материалы и документы по истории партий социалистической ориентации, рабочих, профсоюзных и женских суфражистских организаций концентрировано собраны в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме. В частности, исключительной по богатству материалов является германская коллекция [1090]. В составе огромной коллекции, посвященной Великобритании, имеются на микроформах архивы Социалистической лиги, Социал-демократической Федерации, Британской социалистической партии, Лейбористской партии, Фабиан-

ского общества, Конгресса тред-юнионов, личные архивы деятельниц суфражистского движения Этель Панкхерст и Доры Рассел [1110]. Во французской коллекции интерес представляют многочисленные документы, посвященные революциям 1830 и 1848 гг., а также документы, относящиеся к деятельности французских социалистов Б. Малона и Жюлье Геда, письма Ф. Лассалья, Ж. Жореса, Л. Мишель [1086].

Доступны на русском языке документы ряда *политических партий и массовых общественных организаций*. Тексты программ социалистических партий и организаций (Французской социалистической партии; Германской социал-демократической партии 1891 г.; программные документы английских социалистов, в том числе, Социал-демократической федерации, Независимой рабочей партии, Комитета рабочего представительства) концентрировано собраны в качестве приложений к книге Р. Ч. Энзора «Современный социализм» [1058, с. 429–434]. Готская программа социалистической рабочей партии Германии опубликована на русском языке в качестве приложения к изданию 1923 г. работы К. Маркса «Критика Готской программы» [205, с. 78–81]. Отдельными изданиями неоднократно выходила Эрфуртская программа СДПГ, подготовленная К. Каутским [1065–1067], переведена Программа французской рабочей партии, составленная Ж. Гедом и П. Лафаргом [797; 798]. В советское время опубликованы документы об основании Первого Интернационала [716], протоколы его Генерального Совета и конференций [185–188]. Имеются в изданном виде материалы и документы по истории Второго Интернационала [601].

Программы политических партий консервативного и либерального направления рассредоточены по разным изданиям. В отношении изучения политических партий Германии особую ценность представляет отдельный том документов, являющийся частью трехтомного издания «История Германии», подготовленного Западносибирским центром германских исследований под общей редакцией Б. Бонвеча и Ю. В. Галактионова [396]. В нем помещены ряд программ и предвыборных заявлений германских консервативных и либеральных партий. Что касается французских либеральных партий, то их организационное оформление и структурирование в современном виде началось позже, в связи с принятием в 1901 г. закона о союзах. Партия радикалов и радикал-социалистов стала первой подобной партией. Она не принимала специальной программы на своем организационном съезде, но руководствовалась так называемой Бельвильской программой, с которой республиканец Л. Гамбетта в 1869 г. баллотировался в Законодательный корпус. Ее текст на русском языке никогда не публиковался, но перечень требований регулярно излагался в специальных работах по истории Франции.

Что касается Великобритании, то в 1905 г. издатели сделали полезный шаг, опубликовав в России с предисловием Г. Асквита книгу, ставшую своеобразным манифестом Либеральной партии начала XX столетия, «Либерализм: Опыт изложения принципов и программы современного либерализма в Англии» молодого, но уже видного британского государственного деятеля Г. Самуэля [857; 858]. Она содержала изложение основных принципов обновленного английского либерализма, в том числе программу английской либеральной партии. В ней постулаты либерализма рассматриваются в применении как к задачам британской внешней политики, так и к проблемам внутренней политики, в том числе к вопросам борьбы с бедностью, доступности образования, степени вмешательства государства, избирательного права, местного самоуправления и др. Ряд важных источников по истории политических партий Великобритании содержит «Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914» [862].

Были изданы выступления, программные брошюры и другие материалы, отражающие взгляды по тем или иным вопросам партийных и общественных деятелей. Примером могут служить сборники «Возникновение партийной организации германской социал-демократии: Речи Бебеля, Либкнехта, Зингера и других на партийном съезде в Галле в 1890 г.» [158], подготовленный Р. Энзором сборник «Современный социализм» со статьями А. Бебеля, В. Либ-

кнехта, Ф. Лассаля, А. Мильерана, Ж. Жореса и других видных деятелей социалистического движения [1058]. Многочисленны издания выступлений и трудов немецких социалистов К. Маркса и Ф. Энгельса, Ф. Лассаля, К. Каутского, Э. Бернштейна, В. Либкнехта, К. Либкнехта, А. Бебеля, К. Цеткин, Р. Люксембург², выступлений и брошюр французских социалистов П. Лафарга [530–533] и Ж. Геда [179; 180], основателя POSSИБИЛИЗМА Б. Малона [578], лидеров независимых социалистов А. Мильерана [625], Ж. Жореса [284].

Опубликованы Программа Всеобщего немецкого женского союза [787, с. 143–144], а также программные работы по женскому вопросу видных общественных деятелей рассматриваемой эпохи Англии (Дж. Ст. Милля [620–622], Г. Спенсера [902], Т. Хиггинсона [996]), Франции (Л. Рише [831], П. Лафарга [530]), Германии (А. Бебеля [58–63], К. Каутского [422], К. Цеткин [1012–1015], Е. Ланге [526], Л. Браун [98–104]). Вызывает интерес опубликованная полемика между сторонницей женских прав писательницей-феминисткой Фанни Левальд и ее оппонентом в этом вопросе Матильдой Рейхгарт-Штромберг [1047]. Содержит многочисленные выдержки из документов работа М. де Вилье «Женские клубы и легионы амазонок», посвященная политическому движению женщин во Франции в эпоху революций конца XVIII в., 1848 г. и в дни Парижской коммуны [143]. Изданы документы, касающиеся деятельности английской «Лиги против хлебных законов» и парламентские выступления ее основателя Р. Кобдена [56; 541].

Необходимый документальный материал по политической и социальной истории рассматриваемых стран можно извлечь из разнообразных сборников документов, появившихся в советское время. В. М. Лавровский в сборнике «Английский капитализм во второй половине XIX века» [521] привел отобранные по принципу наибольшей репрезентативности отдельные стенограммы парламентских прений, отчеты департамента труда, главного фабричного инспектора, материалы о состоянии сельского хозяйства, статистические данные за 1850–1900 гг. Насыщены документальными данными сборник материалов по социально-экономической истории Европы в Новое и Новейшее время, вышедший в 1929 г. под редакцией В. П. Волгина [1008], а также хрестоматия по истории революционного движения Западной Европы Ц. Фридлянда и А. Слуцкого, к 1928 г. выдержавшая 5 изданий [987]. В сборниках «Эпоха промышленного капитализма в документах и материалах» [1061] и «Новая история в документах и материалах», изданных под редакцией Н. М. Лукина и В. М. Далина [669; 670], содержатся документы по важнейшим проблемам общественно-политической жизни Франции, Великобритании, Германии XIX в. Подбор документов этих изданий акцентировал внимание на революционных событиях, проблемах рабочего движения. В 1923 г. в серии «Материалы по истории революционного движения на Западе» были изданы небольшие по объему сборники документов «Чартизм» [596] и «1848-ой год» [597]. Тематически к последнему примыкает книга Я. М. Захера «Революция 1848 г. в Германии», вторую часть которой составляет коллекция документов [346]. Отдельный сборник документов посвящен «Союзу коммунистов» [900; 901]. В 1941 г. вышла хрестоматия по Новой истории под редакцией А. В. Ефимова и В. А. Орлова [1004], ее продолжила опубликованная в 1953 г. хрестоматия под редакцией А. И. Молока и В. А. Орлова, содержащиеся в ней документы хронологически отражают 1870–1918 годы [1005]. В 1958–1959 гг. эти книги вышли вторым изданием [1006]. В 1963–1965 гг. опубликованы два тома документов по новой истории под редакцией А. А. Губера и А. В. Ефимова [1007]. Сборники документов, составленные Е. Е. Юровской, охватывают период 1640–1870 гг. [860] и 1870–1917 гг. [1071]. Комплексно отражает вопросы внутренней и внешней политики, рабочего и социалистического движения одно из наиболее авторитетных изданий – сборники документов, составленные и прокомментированные П. И. Остриковым и

² В силу огромного числа изданий работ названных общественных деятелей, опубликованных на русском языке еще до революции, ради экономии места нам пришлось ограничиться лишь упоминанием этого факта.

П. П. Ванделем [861; 862]. Периоду 1870–1918 гг. в истории Германии посвящен первый том сборника документов, подготовленного П. П. Ванделем и О. Г. Левенштейн [671]. Релевантные теме документы также содержатся в хрестоматии по истории государства и права зарубежных стран, составленной В. Н. Садиковым в 1973 г., затем неоднократно переиздававшейся [1000; 1001; 1003]. В советском франковедении одной из ключевых тем считалась история Парижской Коммуны 1871 г. В разные годы публиковались как подборки документов и материалов о различных сторонах ее деятельности [736–738], так и полный текст протоколов ее заседаний [807]. В 1976 г. переиздали составленную А. И. Молоком хрестоматию по истории Коммуны [647]. В связи с 70-летием, а в последующем и ее 100-летием издали документальные сборники, отражающие деятельность Первого Интернационала в связи с Парижской Коммуной [749; 750]. Ключевые аспекты политической эволюции стран Европы раскрывают материалы и документы хрестоматии И. Р. Чикаловой и Р. А. Чикалова «Страны Западной цивилизации. XIX – начало XX в.» [1029].

3. *Статистические материалы*, в первую очередь данные переписей населения, официальные обследования условий труда и жизни, уровня образованности населения и другие документы дают информацию об уровне промышленного и аграрного производства, изменениях в социодемографическом составе населения города и деревни, позволяют проследить трансформации в структуре занятости, образовании, уровне жизни населения. Большой статистический материал по ремесленному, промышленному и сельскохозяйственному пролетариату, работникам обслуживающих отраслей содержится в трудах Ф. Энгельса [1057], А. Бебеля [59], Г. Ностица [692], Ю. Пирсторфа [764], Л. Браун [99], Л. Рязановой [855]. Большую ценность для понимания причин и определения масштабов массовых протестных движений имеют данные о забастовочных выступлениях пролетариата, сконцентрированные в исчерпывающем с точки зрения полноты данных сборнике «Забастовочная борьба трудящихся» [286]. Итоги выборов в законодательный корпус Великобритании и Германии представлены в уже упоминавшихся «Сборнике документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914» [862] и в 3-м томе (документы) «Истории Германии», изданной под редакцией Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова [396].

4. *Источники личного происхождения*. Изданы воспоминания германских канцлеров Бюлова [120] и Бисмарка [81; 82], адмирала Тирпица [937], мемуары Вильгельма II [141; 142]. Опубликованы свидетельства участников революции 1848–1849 годов [818; 938]. Вышли воспоминания А. Бебеля, позволяющие составить представление об его интерпретации идейных воззрений и политики германской социал-демократии [64]. Опубликованы воспоминания одной из руководительниц суфражистского движения в Англии Э. Панкхерст [734], социал-демократического женского движения в Германии Л. Браун [105]. Изданы письма Ф. Лассала к К. Марксу [527]. Личная переписка воспроизводится и в монографической литературе. Е. М. Макаренкова в исследовании «Поль Лафарг и французское рабочее движение во второй половине XIX века» в виде приложения опубликовала впервые на русском языке девять писем (три – Поля Лафарга, пять – Ж. Геда и одно – П. Брусса) [574].

5. *Периодическая печать*. Российская периодическая печать содержит богатый материал по политическому развитию европейских государств рассматриваемого времени. Среди ведомственных изданий особое место занимает «Журнал Министерства юстиции», выходивший в 1859–1868 и в 1894–1917 гг. В нем на протяжении 20 лет, с 1897 по 1917 г., практически из номера в номер печатались «Письма из Англии» адвоката Сесилия Мида Аллена, представлявшие собой подробные отчеты о текущей законодательной деятельности британского парламента [872].

Журналы «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль», «Исторический вестник», «Образование», «Мир Божий» («Современный мир») «Северный вестник» и др. имели общественно-политические и «иностранные» отделы. «Русское обозрение» весь 1890 г.

и по июль 1891 г. публиковало «Письма из Лондона» известного британского журналиста Уильяма Томаса Стэда [927]. «Русское богатство» на протяжении 1895 г. помещало «Письма из Англии» за подписью «Ав.»; принадлежали они дочери К. Маркса Элеоноре Эвелинг [1055]. В журнальном и газетном пространстве сложилась практика, когда российские публицисты обосновывались в одной из зарубежных стран (П. Л. Лавров, И. В. Шкловский, С. И. Раппорт в Лондоне, Г. Б. Иоллос и Г. А. Гроссман в Берлине, А. С. Белевский и Н. С. Русанов в Париже) и регулярно поставляли материалы в отечественные периодические издания. Многолетнее погружение в разнообразные проявления жизни общества страны пребывания делало из них подлинных страноведов.

Выходившие в России специальные женские издания – ежегодный «Первый женский календарь» (1899–1915) [748] и ежемесячный, с 1906 г. печатный орган «Женской Прогрессивной партии», «Женский вестник» (1904–1917) [280] в специализированных рубриках «За границей», «Хроника женских избирательных прав», «Из иностранных журналов», «Феминизм в различных странах» публиковали сведения о женских организациях и движениях за рубежом, например, «Женское дело во Франции» [281], «Женское образование во Франции» [748: 1901, с. 267–271], «Женские общества во Франции» [748: 1903, с. 454–458], «Феминизм во Франции» [972], «Движение женского дела за границей» [748: 1903, с. 418–419], «Хроника женских избирательных прав» [1009].

При внешней тематической хаотичности дореволюционные журнальные публикации содержат огромный массив материала, касающийся событий политической, экономической, социальной, культурной жизни европейских стран. Этот круг источников сегодня приобрел особое значение в связи с тем, что оставался долгие годы вне зоны исследовательского интереса.

Материалы, опубликованные на страницах периодических изданий, дополняют фактические и документальные данные, содержащиеся в исследованиях дореволюционных российских англоведов, франковедов и германистов, а также в переведенных на русский язык практически всех наиболее значительных монографических трудов европейских ученых рассматриваемого времени. В них нашли отражение многие стороны жизни Франции, Германии, Великобритании – конституционный процесс и эволюция демократических начал, экономическое и социальное развитие, положение рабочего класса, рабочее движение, возникновение и деятельность политических союзов предпринимателей и профессиональных союзов рабочих, положение женщин и женское движение, обучение и воспитание молодого поколения.

Таким образом, к сегодняшнему дню сформирована уникальная источниковая база на русском языке, во многих своих сегментах не включенная в научный оборот, позволяющая создать панорамное исследование организационного оформления и функционирования партий, профессиональных союзов и женских объединений в социально-политических системах Франции, Германии, Великобритании в хронологических границах 1815–1914 гг.

Глава 1

Историография (1918–2014 гг.) социально-политической истории Франции, Германии и Великобритании XIX – начала XX века³

1.1. Советская историография (1918–1990 гг.)

Социально-политическая проблематика в обобщающих трудах. Созданная российской исторической дореволюционной наукой панорама политической, социальной и хозяйственной эволюции стран Европы во многих аспектах, прежде всего в фактографическом плане, создала базу для дальнейших изысканий по истории зарубежных стран. После 1917 г. в Советской России продолжали работать профессура и научные работники, сложившиеся как ученые в дореволюционный период. Однако традиции российского англоведения, франковедения и германистики начинают угасать, их отголоски все еще звучат лишь в период между 1918 и 1930 годами, когда наступление марксизма не исключало относительной терпимости к историкам старой школы и продолжали издаваться труды, по определению советских идеологических учреждений, «буржуазно-либеральных» ученых, своим творчеством составивших эпоху в историографии. В первую очередь это относится к таким ученым, как Н. И. Кареев, которому удалось опубликовать вторым изданием «Общий курс истории XIX и XX века до начала мировой войны» (первое вышло в 1910 г.) и «Историю Западной Европы в начале XX века» (переиздание 7-го тома «Истории Западной Европы в новое время») [417; 418]. Стержнем трудов Кареева была идея о закономерном развитии капиталистического производства и сопутствующих ему социальных антагонизмах между земельной аристократией и буржуазией, с одной стороны, между ними и народом, с другой. Е. В. Тарле исследовал внутреннее развитие Британской империи, Франции и Германии в 1871–1914 гг. в работе «Европа в эпоху империализма» [928–930]. Книги ученых, сформировавших свое научное мировоззрение до Октябрьской революции, не вписывались в рамки официальной государственной идеологии, но первые годы ввиду отсутствия пролетарских кадров научных работников старую интеллигенцию вынуждены были терпеть.

На рубеже 1920–1930-х годов ситуация резко изменилась. Организовали судебное, так называемое «академическое», дело против академика С. Ф. Платонова и других виднейших историков. В конце 1930 – начале 1931 гг. в Москве и Ленинграде провели дискуссию по теме «Буржуазные историки Запада в СССР», в ходе которой с позиций марксизма-ленинизма жесточайшему разгрому подвергли либеральные взгляды крупнейших ученых, составивших научное имя в дореволюционной России, но продолжавших активно работать в СССР, в том числе и Е. В. Тарле. Были инспирированы направленные против них разгромные публикации, лейтмотивом которых звучали обвинения наподобие: «классовый враг на историческом фронте», «вредительство на историческом фронте – Тарле и Платонов и их школы». С идейно-методологическим плюрализмом было покончено. Старую университетскую профессуру отстранили от работы. Принятое 15 марта 1931 г. постановление ЦК ВКП(б) о работе Комакадемии определило направления работы исторических учреждений и историков. След-

³ Подробно о дореволюционной российской историографии Великобритании см.: Чикалова И. Р. Англоведение в императорской России в именах и публикациях (1801–1917). – СПб.: Алетейя, 2013. – 392 с.; Чикалова И. Р. Опыт интеллектуального трансфера: иностранная книга об Англии в России (1861–1917) // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л. П. Репиной. – М.: Аквилон, 2014. – С. 469–530.

ствие этих событий темы парламентаризма, партийно-политических систем, буржуазно-демократического реформизма в западноевропейских странах перестали быть объектом изучения советскими историками. В. А. Дунаевский в обстоятельной монографии «Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941 гг.» [261] определил блоки проблем, по которым велись исследования. Это – изучение западноевропейских и американских буржуазных революций XVII–XIX вв. и Парижской Коммуны; исследования социально-экономической истории, рабочего и социалистического движения XIX – начала XX в.; изучение западноевропейского утопического социализма; исследование истории международных отношений в Новое время и национально-освободительного движения в странах Америки и Европы (XVIII–XIX вв.). Об исследованиях внутривосточного развития европейских стран В. А. Дунаевский ничего сказать не может – таких трудов не было, если не считать двухтомного учебника по Новой истории для вузов, вышедшего в 1939 г. под редакцией Е. В. Тарле и других историков.

В 1945–1990 гг. положение мало изменилось. Итоги изучения процессов формирования английской, французской и германской политических систем, политики реформизма и политических стратегий правящих классов в XIX – начале XX вв. практически ограничивались публикациями соответствующих разделов в вузовских учебниках Новой истории, глав в фундаментальной «Всемирной истории», статей в «Советской исторической энциклопедии».

Насыщенная в фактографическом отношении «Всемирная история» [161] (события XIX – начала XX вв. рассматриваются в 6-м и 7-м томах) в полной мере отражает сложившиеся в советской историографии подходы к освещению исторического процесса сквозь призму теории смены общественно-экономических формаций. Основу этого процесса составляет конфликт между уровнем производительных сил и характером производственных отношений, завершающийся революционным переходом к более высокой форме социальной организации. Внутривосточные изменения последней антагонистической формации – капиталистической с ее высшей стадией империализмом – в трактовке «Всемирной истории» открывают путь к построению социализма и созданию коммунистического общества. Это издание, высоко оцененное в Советском Союзе как выдающееся достижение марксистско-ленинской историографии, представляется концептуально устаревшим.

Уникальным для своего времени и не повторенным в постсоветский период было издание 16-томной «Советской Исторической Энциклопедии» (СИЭ). В ней содержится около 25 тыс. статей по российской дореволюционной, советской и зарубежной истории. Хотя марксистско-ленинская методология предопределила уклон в сторону освещения народных и национально-освободительных движений, классовой борьбы, восстаний и революций, коммунистического движения, СИЭ продолжает оставаться ценным справочным изданием, особенно по историческим персоналиям, вопросам регионально-страноведческого характера, международным отношениям и конфликтам. Вместе с тем следует учитывать, что во многих случаях политические и социальные процессы в этом издании поданы под углом зрения методологических установок тогдашней официальной идеологии, что не способствовало научной объективности соответствующих оценок [891].

Учебники. В первые годы Советской власти университеты продолжали использовать учебники дореволюционного времени. В их числе одной из наиболее востребованных была книга Р. Ю. Виппера «История Нового времени», третье издание которой вышло в 1918 г. Оценивая ее как лучший «до последнего времени» учебник по Новой истории Запада, Н. М. Лукин считал, что в дальнейшем основывать на нем учебный процесс невозможно. Он утверждал: «То, что еще недавно казалось нам, если не идеальным, то приемлемым за отсутствием чисто марксистских учебников, становится явно непригодным теперь, когда изучение истории XIX–XX века сделалось одним из существеннейших элементов преподавания <...> Полумарксистский учебник, к тому же весьма густо пропитанный в своих последних главах социал-патриотизмом и союзнической ориентацией, едва ли может воспитывать молодые умы в духе революционного

коммунизма. Наконец, в книге проф. Виппера сравнительно мало уделяется внимания рабочему движению и истории социальных систем, занимающих центральное место в преподавании новейшей истории в высших учебных заведениях Советской республики» [557, с. 3].

Сам Н. М. Лукин и попытался восполнить, с его точки зрения пробел. Первым советским марксистским учебником для высшей школы по истории Нового времени стала его книга «Новейшая история Западной Европы», вышедшая в 1923 г. В ее основу были положены лекции, прочитанные в *Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова* и других учебных заведениях [557–558]. Хотя тема книги была обозначена как «новейшая история», речь в ней идет о событиях начиная с XVI века, причем XVI–XVIII века Лукин относит к эпохе Новой истории, которую в конце XVIII в. сменяет время промышленного капитализма, тождественное, в понимании Лукина, Новейшей истории. Вузы использовали учебное пособие Ц. (Г. С.) Фридлянда «История Западной Европы. 1789–1914» [984–986]. А. И. Анекштейн, публиковавшийся под псевдонимом «Арк. А – Н», двумя изданиями выпустил «Историю Западной Европы и Северо-Американских Соединенных Штатов», охватывавшую период с конца XVIII в. до 70-х годов XIX века [44]. Огромная, на 830 страниц книга, по замыслу автора, должна была служить пособием для школ и самообразования при изучении истории промышленного и финансового капитализма. Но учебной литературы было мало, ее недостаток восполняли конспекты лекций профессоров и доцентов. В Национальной библиотеке Республики Беларусь сохранился уникальный, машинописный текст, размноженный литографическим способом, студенческого конспекта лекционного курса приглашенного профессора БГУ С. Ляковского «История XIX века». Этот курс был прочитан в 1924/1925 учебном году и отредактирован лично автором. Объясняя необходимость такого рода издания, Ляковский отметил: «Эта редакция обеспечивает лишь годность издания для сдачи зачетов по курсу и является его главной целью» [564, с. 3].

Лишь вышедший в свет в 1939 г. двухтомник «Новая история», подготовленный под редакцией Е. В. Тарле, А. В. Ефимова и Ф. А. Хейфец стал основным учебным пособием для вузов страны. В соответствии с принятой в то время периодизацией первая часть охватывала период от Французской буржуазной революции до преддверия Франко-прусской войны (1789–1870 гг.), вторая – начиная с Франко-прусской войны и Парижской Коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания Первой мировой войны [681]. Новый подход с точки зрения периодизации продемонстрировали прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) и изданные в 1940–1941 гг. лекции А. В. Ефимова, И. С. Галкина, Е. В. Тарле, С. Д. Сказкина и др. Этот курс лекций по Новой истории открывался Английской революцией середины XVII в. Именно с этого времени и вплоть до начала 1990-х гг. Английскую революцию считали началом Нового времени.

После окончания Великой Отечественной войны возобновилась работа по подготовке вузовских учебников. В 1953–1960 гг. вышло трехтомное учебное пособие «Новая история» для исторических факультетов университетов и пединститутов. В соответствии с утвердившейся к тому времени периодизацией первый том охватывает 1640–1789 гг., второй 1789–1870 гг., третий 1870–1918 гг. Эти книги широко использовались в учебном процессе, первый том после выхода в 1953 г. переиздали в 1964 г., а третий том, впервые вышедший в 1960 г., вторично увидел свет в исправленном и дополненном виде в 1973 году [685]. В советской историографии это был наиболее подробный обобщающий труд в 2232 страницы текста, не считая карт, в написании которого участвовали более 60 авторов. Параллельно широко использовался курс лекций по истории Франции, Германии, Англии, Ирландии и США, написанный киевским профессором К. Д. Петряевым [762].

На протяжении 60–80 годов XX в. студенты, обучавшиеся по специальности «история», получили учебные пособия, написанные коллективами авторов под руководством А. Л. Нарочницкого [682–683]; В. Г. Ревуненкова [684]; Е. Е. Юровской, М. А. Полтавского и Н. Е.

Застенкера [673]; А. В. Адо [679]; Н. Е. Овчаренко [686–687]; Е. Е. Юровской и И. М. Кривогуза [672]. Всем этим работам были присущи некоторые общие черты. Изложение истории зарубежных стран Европы и Америки в соответствии с утвердившимися к тому времени представлениями о хронологических рубежах Новой истории велось начиная с Английской буржуазной революции середины XVII в. до 1917 г. ввиду оценки Великой Октябрьской социалистической революции как начала новой эпохи в истории человечества. Саму Новую историю подразделяли на два периода, границу между ними составляли события Парижской Коммуны 1871 г., которую рассматривали как первый в истории опыт построения государства нового типа – диктатуры пролетариата. Определяя генеральную линию развития человечества в Новое время, учебники исходили из концепции смены общественно-экономических формаций: «именно на этот период приходится процесс восхождения, а затем начала упадка последней в истории человечества классово-антагонистической общественно-экономической формации» [680, с. 7]. Оценка эволюции социально-политической системы стран Европы и США в интерпретации учебников тех лет исходила из концепции разложения капитализма, подаваемого как объективная реальность: «Буржуазный строй как общественная система вступил в последней трети XIX века в период постепенного загнивания» [686, с. 8]. В связи с этим учебники раскрывали общественный процесс как непрерывающуюся борьбу между буржуазией и пролетариатом. «Эта борьба составила основу общественного развития и содержание исторического процесса во второй период новой истории (1871–1917 гг.)» [686, с. 8]. Отсюда вытекало гипертрофированное внимание к рабочему и социалистическому движению, отказ от освещения таких существенных моментов, как развитие конституционализма, демократизация общественной жизни, расширение избирательного права, развитие общественных организаций (феминистских, пацифистских), социальной роли церкви, даже достижений науки, техники и культуры. Политическая история каждой страны рассматривалась отдельно по блокам. Первый, от Парижской Коммуны до рубежа между XIX и XX вв., соответствовал времени домонополистического капитализма. Второй, охватывая события до окончания Первой мировой войны – эпохе империализма. Таким образом, изложение истории стран искусственно разрывалось. Учебники не стремились показать развитие Европы и США как целостной западной цивилизации и концентрировали внимание на политической истории отдельных стран, взаимодействие которых в европейском и мировом масштабе сводилось к двусторонним торговым связям, конкурентной борьбе в экономической сфере, внешнеполитических отношениях с акцентом на конфликтных ситуациях и их урегулировании, складывание противостоявших военно-политических блоков и развязывание мировой войны.

Исследование политических систем, партий, социальных структур и идеологий.

Лишь в середине 1980-х гг. отчетливо наметилось возвращение историков и правоведов к изучению политических систем западноевропейских стран, включая Великобританию, Францию и Германию. Стали чаще выходить монографические работы, раскрывающие присущие всем странам западноевропейской цивилизации институты и явления общественной жизни. Появился обобщающий труд «История буржуазного конституционализма XIX в.» [392]. Идеологию и политическую роль консерватизма под углом зрения разоблачения «несостоятельности консервативных теорий» показали А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир в монографии «Консерватизм в прошлом и настоящем. О социальных корнях консервативной волны». В их интерпретации «самое уязвимое место консерватизма – полная неадекватность предлагаемых им рецептов реальным потребностям современного развития. Его основные постулаты заимствованы у корифеев консерватизма конца XVIII – начала XIX в. и неоднократно, на протяжении почти двух столетий, демонстрировали свою полную непригодность» [172, с. 179]. Авторы оставили без ответа вопрос, почему консерватизм, по их же словам, отличающийся «полной непригодностью», на протяжении почти двух столетий составлял существенный и дееспособный сектор идеологии и политики.

Опубликованная в 1984 г. работа Л. Е. Кертмана и П. Ю. Рахшмира «Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX–XX веков» наметила поворот к анализу социальной структуры стран западной цивилизации, что было положительным явлением, но выводы авторов тенденциозны и явно не соответствуют общественно-политическим реалиям. По их утверждению, «буржуазия стран Запада, несмотря на достигнутое ею к концу XIX в. невиданное могущество и уникальное положение сравнительно немногочисленной верхушки капиталистического мира, властвовавшей над всем человечеством, вопреки ухищрениям ее лидеров и идеологов, не говоря уже о решающем влиянии на сознание большинства народа, так и не удалось сохранить свое мировое всевластие. Рабочий класс во главе со своим сознательным и организованным авангардом, овладевшим научным пониманием законов развития общества, оказался сильнее, хотя еще не настолько, чтобы ликвидировать буржуазное господство в глобальном масштабе» [436, с. 151].

А. Б. Вебер в обстоятельной монографии «Классовая борьба и капитализм: рабочее и профсоюзное движение как фактор социально-экономического развития (XIX–XX вв.)» исследовал воздействие классовой борьбы трудящихся на социально-экономические процессы в капиталистическом обществе. Книгу отличает богатство фактического материала, но ее конечный вывод сводится к утверждению, что «борьба трудящихся за одни лишь повседневные требования не может устранить коренные пороки капиталистической системы, которые неизбежно воспроизводятся всем ходом развития <...> Для преодоления капитализма необходим качественный, революционный скачок» [130, с. 284–285]. Это утверждение нельзя воспринимать иначе как тиражирование классического марксистско-ленинского постулата о пролетарской революции как способе изменения социально-политического строя, утратившего свою актуальность на современном этапе общественного развития. Собственно, эту оценку можно отнести и к позиции авторов коллективного исследования «Стачки: история и современность». К. М. Кантор, М. А. Заборов, Ю. П. Мадор в главах, посвященных характеристике забастовок как специфической формы борьбы рабочего класса, их зарождению и развитию в период домонополистического капитализма, а затем и перехода к империализму, включая французский анархо-синдикализм, создали насыщенную исторической конкретикой и статистическими обобщениями панораму стачечного движения. В конечном счете, полагают авторы, стачка «содействует развитию, совершенствованию капиталистического способа производства, но это путь обострения капиталистических противоречий, подготовки предпосылок социализма в недрах капитализма, подготовки превращения капитализма в социализм» [909, с. 342].

Европейские революции 1830 и 1848–1849 гг. В связи с тем, что проблема «революция и классовая борьба» рассматривалась в качестве одной из ведущих, а Европа пережила наибольшее число революций, изучение рабочего движения, революционных движений и взрывов постепенно начало занимать одно из главенствующих мест в советской историографии. Но процесс этот был небыстрым, хотя уже до революции 1917 г. российские историки, в частности В. А. Бутенко, занимались изучением европейских революций. Итогом его изысканий стали опубликованные в 1913 г. работа «Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации» [112] и в 1923 г. исследование «Социальный состав либеральной оппозиции во Франции в эпоху Реставрации» [113]. В последней Бутенко пришел к выводу, что «не сочувствие либеральной программе, а тот же социальный инстинкт демократической Франции, не мирившейся с господством людей старого порядка, поднимал лишенную политических прав, но представлявшую собой единственную действительную политическую силу – народную массу к активным выступлениям в защиту либералов и их требований» [113, с. 278].

Других монографических работ о революции 1830 г. во Франции (если не считать нескольких журнальных статей) советская, как и постсоветская, историческая наука не создала – творческие достижения ограничились работами П. П. Черкасова об активном участнике революции М.-Ж. Лафайете [1020; 1021].

В большей степени предметом изучения стала революция 1848–1849 гг. Интерес советской историографии к ней был обусловлен тем, что именно в ходе этой революции в июне 1848 г. состоялось выступление парижских рабочих. Для Маркса это была борьба за сохранение или уничтожение буржуазного строя, такой же была оценка Ленина: июньское выступление явилось «первой гражданской войной между пролетариатом и буржуазией» [536, т. 38, с. 305]. Естественно, советские историки следовали этим установкам и развивали их. Первые публикации о революции во Франции были рассчитаны на массового читателя. Начало положил В. И. Невский, выступивший с 14-страничной брошюрой [667], затем события революции осветил С. Д. Сказкин [877]. Особенно активен был Ю. М. Стеклов. Его брошюру «Революция 1848 года во Франции» впервые опубликовали еще до Октябрьской революции. Затем она дважды выходила в свет в 1918 г., в дополненном виде ее переиздавали в 1922, 1923 и 1925 годах [918; 919]. К 75-летию революции вышел сборник статей, авторами которых были виднейшие ученые – Ф. А. Ротштейн, М. Н. Покровский, Е. С. Варга, А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов, Ю. М. Стеклов [951]. Научно-популярный очерк о революционных событиях в Германии издал Я. М. Захер [346]. А. И. Молок подготовил монографию об июньском восстании парижских рабочих в период революции 1848 г. и отношении Маркса к июньскому восстанию, выраженному в статьях в «Новой Рейнской газете» [641; 642]. Молок пытался доказать, что восстание поддержал весь рабочий класс Франции – современная российская историография так не считает: «республиканцы и демократы почти единогласно осудили Июньское восстание» [42, с. 258].

После Великой Отечественной войны появились новые труды о революции 1848–1849 гг. Ее столетие отметили выпуском книги Л. А. Бендриковой «Экономический кризис и рабочее движение накануне февральской революции во Франции» [71]. Затем наступила почти четвертьвековая пауза вплоть до выхода фундаментального труда Ф. В. Потемкина о промышленной революции во Франции. Потемкин историю революции не рассматривает, но в контексте вызревания революции важен его вывод о том, что во Франции на этапе от революции 1830 г. до установления Второй империи фабричное производство утвердилось во всех главных отраслях легкой промышленности, а это стало предпосылкой бурного развития социально-политической борьбы трудящихся масс и, в конечном счете, привело к революции [777, т. 2, с. 292–293]. Коллектив авторов двухтомного труда о революции 1848–1849 годов [819] подобным же образом отражает сложившееся на то время понимание причин и последствий этого события: сформировавшийся в ходе промышленной революции пролетариат выделился в особый общественный класс и в революции 1848 г. вступил на путь самостоятельной борьбы против буржуазии, достигшей наивысшего подъема в Париже в июньские дни 1848 г. Что касается буржуазии, то она, напуганная революционностью пролетариата, встала на путь контрреволюции, пошла на компромисс с абсолютизмом и крупными земельными собственниками.

Рабочее движение и социалистические партии. К числу наиболее заметных трудов 1920-х – начала 1930-х гг. следует отнести книгу уроженца Минска, выпускника Минской гимназии и Киевского университета А. И. Анекштейна об истории рабочего движения в Англии, Франции и Германии. Ее первое издание вышло в Москве в 1918 г. В Петрограде она вышла в 1922 г. В следующем году ее издали в Москве и Харькове, в 1924, 1925, 1928, 1929, 1931 гг. опять в Харькове и в 1930 г. снова в Москве [43]. Каждое из этих изданий отличается хронологическими рамками и, естественно, охватом материала. Так, московское издание 1923 г. доводит изложение событий до 1914 г., а наиболее полное издание 1930 г. – до 1929 г. Анекштейн проводит концепцию, согласно которой борьба рабочего класса протекает в двух направлениях: экономическом – за улучшение условий труда (более короткий рабочий день и более высокая оплата труда) и политическом, целью которого является установление диктатуры пролетариата, уничтожение буржуазно-капиталистического строя и подготовка последующего перехода к коммунизму. Для экономической борьбы рабочие создают профсоюзы и

кооперативы, для политической – образуют партии. Профессиональное, кооперативное и политическое движения – это три ветви единого рабочего движения. Но соотношение их в каждой стране имеет свои особенности. В Англии преобладает борьба за повседневные экономические нужды. Во Франции на протяжении почти трех четвертей XIX в. преобладала политическая борьба и только с конца XIX в. развилось мощное профессиональное анархо-синдикалистское движение. В Германии политическая сторона долгое время преобладала над экономической и только к концу XIX в. оба направления стали развиваться равномерно. Но повсюду конечным результатом должно стать «водворение социализма и коммунизма».

Интенсивно велась разработка истории международных социалистических организаций. Одним из первых попытку представить развернутую панораму деятельности Международного Товарищества Рабочих предпринял Ю. М. Стеклов, издавший книгу о нем уже в 1918 году [915–917]. Обозначенные в заглавии хронологические рамки работы (1864–1914 гг.) объясняются стремлением изложить историю как I, так и II Интернационалов, но Стеклову удалось осуществить только часть замысла: были написаны только история I (1864–1872 гг.) и анархистского (1872–1881 гг.) Интернационалов. С учетом современной источниковедческой базы и новых методологических подходов книга устарела, но, тем не менее, дает панорамную картину деятельности Интернационала. Ее положительно оценивали, в частности, за совпадающую с точкой зрения Ленина интерпретацию написанных Марксом документов Интернационала (Учредительного манифеста и других). В то же время Стеклова критиковали за преувеличение роли Бакунина и недооценку роли Энгельса, утверждение, что реформистское и анархо-синдикалистское течения одинаково с марксистским являлись преемниками Интернационала. В 1921 г. советский социолог, литературовед и историк искусства В. М. Фриче издал книгу о рабочем движении на Западе [990], составной частью которого был очерк о Международном Товариществе Рабочих. Фриче усматривал неразрывную связь между Союзом коммунистов, I Интернационалом и позднейшими социалистическими партиями. Роспуск I Интернационала он объяснял неспособностью международных рабочих организаций, а к ним относился и Интернационал, действовать во время войны (имелась в виду Франко-прусская). За это советская историография, когда в ней полностью утвердилась марксистско-ленинская концепция, осуждала Фриче, усматривая «некритическое» заимствование идеи К. Каутского. Фриче не был единственным исследователем Интернационала. Возникновение Интернационала показал Д. Б. Рязанов в «Очерках по истории марксизма» [853–854].

В 1920-х гг. обострилась борьба между революционной (марксистско-ленинской) и ревизионистской (социал-демократической) идеологиями. Последняя нашла отражение в публикациях Б. И. Горева [202], И. Браславского [97], М. И. Щукаря [1054], Г. С. Зайделя [289]. Взгляды этих и ряда других историков вызвали резко отрицательную реакцию ортодоксальных марксистов, уже в 1920–1930-е гг. выступивших против «ревизионистов» в советской исторической науке. Развенчивали «недооценку» большевизма и позитивное отношение к партиям II Интернационала, всячески выпячивали отрицательные тенденции в идеологии и практике социал-демократических партий и II Интернационала, которые характеризовали как изначально оппортунистические. Например, в творчестве А. Г. Слущкого усмотрели троцкистские отступления от генеральной линии партии, преувеличение роли германских левых и недооценку роли Ленина в борьбе с каутскианством. В дискуссию о роли большевизма вступил И. В. Сталин, опубликовавший в октябре 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» письмо «О некоторых вопросах истории большевизма», в котором осудил ревизию истории Коммунистической партии, недооценку роли Ленина в международном рабочем и социалистическом движении: «по Слущкому выходит, что Ленин (большевики) не вел непримиримой борьбы с оппортунизмом» [904, с. 84]. Разоблачительная кампания продолжалась вплоть до заката Советского государства. Известный советский историк И. С. Галкин в работе 1977 г. писал: «Получившая распространение монография Г. С. Зайделя по истории II Интернационала стала наиболее

зловредным рассадником антиленинской концепции международного рабочего и социалистического движения. Г. С. Зайдель откровенно пропагандировал умаление роли Ленина и большевиков на международной арене, говоря о «существовании единого ортодоксального крыла с 1900 до 1910 г., от Каутского до Ленина». Наряду с этим Г. Зайдель откровенно развивал тезис о полной революционной и тактической зрелости левых течений в западноевропейском социал-демократическом движении» [173, с. 224].

Собственно, и в поздний советский период существенной переоценки роли II Интернационала не произошло. В труде «Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX – начале XX века» утверждается: «чрезвычайно поучительные уроки истории не дают никаких оснований для предпринимаемых марксологией и так называемым современным неомарксизмом попыток переоценки оппортунистических традиций, берущих начало во II Интернационале» [590]. Историческая литература постсоветской России подходит к оценке II Интернационала более взвешенно, дифференцирует положительные и отрицательные стороны его деятельности. Например, авторы «Истории Европы» пишут: «II Интернационал прекратил свое существование. На этом основании некоторые исследователи пришли к ошибочным утверждениям, якобы вся работа организации велась по линии оппортунизма, что между К. Марксом и Ф. Энгельсом, с одной стороны, и В. И. Лениным – с другой, лежал целый период безраздельного господства оппортунизма. Эта односторонняя оценка препятствовала исследованию расстановке сил в Интернационале, борьбе революционной и оппортунистической тенденций в международном рабочем и социалистическом движении. Это ошибочное положение приводило к отрицанию положительной роли, которую Интернационал сыграл в истории мирового социалистического движения» [399, с. 354].

Углубление в проблему международного рабочего движения потребовало концентрации усилий исследователей: значительная, если не большая, часть научных сил была ориентирована на изучение деятельности международных социалистических организаций и рабочего движения, считавшегося актуальным и первоочередным для уяснения движущих сил мирового исторического процесса. Накопление обширного фактического материала и его обобщение в многочисленных исследованиях [408; 495; 502; 503] создало основу для создания фундаментальных трудов. Вышли двухтомные истории Первого [751] (в 1964–1965 гг.) и Второго [394] (в 1965–1966 гг.) Интернационалов. Характеризуя свой труд, авторы писали во «Введении» ко второму из названных исследований: «Авторский коллектив использовал все ценное, что содержится в трудах советских и зарубежных исследователей международного рабочего и социалистического движения. В то же время необходимо было отказаться от некоторых ошибочных трактовок и оценок II Интернационала и социалистических партий, которые под влиянием культа личности Сталина имелись у отдельных исследователей 30-х годов» [394, т. 1, с. 6]. Наличие исчерпывающих обобщающих трудов не остановило исследователей в стремлении продолжить изыскания по истории Интернационалов: Л. И. Гольман опубликовал свою интерпретацию истории создания Международного Товарищества Рабочих [200].

На протяжении 1976–1985 гг. увидело свет коллективное 8-томное исследование истории международного рабочего движения с охватом огромного периода – от XVI в. до середины 80-х годов XX столетия. Развитие рабочего класса в эпоху промышленного переворота и до 60-х годов XIX в. рассмотрено в первом томе, рабочему движению в 1871–1904 гг. посвящен второй том, 1905–1917 гг. охватывает третий том [598–600]. Авторский коллектив поставил задачу создания «достаточно полной картины социально-экономического и идейно-политического развития рабочего класса, его вызревания как ведущей силы революционного преобразования общества» [598, с. 8]. В соответствии с этим издание анализирует тенденции рабочего движения во всех регионах мира начиная от зарождения и самых ранних выступлений пролетариата до середины 80-х годов XX в. Издание пронизано идеей особой роли пролетариата в мировом историческом процессе. Идущие параллельно с развитием науки, техники и матери-

ального производства качественные изменения в интеллектуальном, образовательном, квалификационном отношении выдвинули рабочий класс на роль главной производительной силы и важнейшего элемента социальной структуры общества. Восприятие теории научного коммунизма привело к перевороту в революционном сознании пролетариата. На этой основе стихийные формы экономического и социального протеста переросли в направляемое пролетарскими партиями организованное рабочее движение, высшая форма которого выступила как политическая борьба и ее апофеоз – социалистическая революция как средство всеобщего освобождения человечества от эксплуатации, национального и социального угнетения в национальном и международном масштабах.

Такого рода выводы в теоретическом плане базировались на идеологии марксизма-ленинизма, а в историографическом – на концепциях советской исторической науки. Так, в 1976 г. И. М. Кривогуз издал насыщенную фактическим материалом работу «Основные периоды и закономерности международного рабочего движения до Октября 1917 г.». Автор концептуально стремился доказать, что «История возникновения и становления международного рабочего движения и превращения рабочего класса в один из основных классов буржуазного общества в XIX – начале XX в. объективно, несмотря на сложность пути, явилась его исторической подготовкой к превращению в главную движущую силу современного революционного процесса, что К. Маркс и Ф. Энгельс предвидели уже в середине 40-х годов прошлого столетия. Эта история была по существу предисторией современной всемирной революционной преобразующей деятельности рабочего класса, развернувшейся под руководством марксистско-ленинских партий в соответствии с гениальными предначертаниями В. И. Ленина» [503, с. 11].

Первоочередное внимание было уделено изучению истории и теории марксизма. После 1945 г. советская историография по этой проблематике накопила огромный массив литературы. Было завершено 2-е издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в 50 томах [588]. Отраженные в них философские, экономические, социологические взгляды, характеристики важнейших исторических событий, политических течений и партий, теоретическая и практическая деятельность Маркса и Энгельса систематизированы в трехтомном предметном указателе [781–782]. По сравнению с первым изданием Сочинений Маркса и Энгельса, выпущенном в 1928–1947 гг., во второе вошло порядка полутора тысяч новых документов: около 800 произведений и почти 700 писем. В «Приложениях» к томам опубликованы сотни документов о жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Наиболее важные сочинения классиков марксизма объединены в собрании избранных трудов в 9 томах [589]. Опубликовали 5-е издание сочинений В. И. Ленина в 55 томах [536]. Это издание содержит около 9 тыс. работ и документов, более половины из них не входило в предыдущие издания, а свыше 1000 напечатаны впервые. Но и это издание нельзя считать полным. По свидетельству А. Г. Латышева, в 1991 г. изучавшего материалы ленинского фонда в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, многие труды Ленина, хранившиеся в нем, никогда не были обнародованы [529]. Как сообщают И. П. Дементьев и А. И. Патрушев, в «это собрание не вошло более трех с половиной тысяч документов, не укладывающихся в канонизированный пропагандой образ Ленина и господствующую его апологику» [391, с. 148].

Наличие обстоятельной историографической базы в конечном счете обусловило попытку создания фундаментального труда, обобщившего достижения в области истории марксизма-ленинизма. В 1986–1990 гг. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС выпустил в свет 3 тома «Истории марксизма-ленинизма», хронологически освещающих события 40–90-х годов XIX века [401–402]. Намерения авторов не ограничивались изданием этих книг, предполагалось выпустить 6 томов, последний должен был довести изложение «до наших дней». Распад СССР не позволил завершить этот проект. Предметом истории марксизма авторы труда определили «формирование и творческое развитие марксистско-ленинской теории, ее распространение, соединение с рабочим движением, претворение в жизнь в революционной классо-

вой борьбе, в процессе построения социализма и коммунизма» [401, с. 11]. В этих аспектах и ведется изложение конкретного материала по исследуемой теме.

Подробному разбору подверглись немарксистские концепции преобразования общества. В критическом ключе были рассмотрены истоки, содержание и место в социалистическом движении анархизма. М. И. Михайлов акцентировал внимание на борьбе против бакунизма в I Интернационале [636]. Теоретическая платформа и политическая практика анархизма рассмотрены как в общих трудах [55; 152; 278; 543; 864], так и показаны через биографии П. Ж. Прудона [910–911], М. А. Бакунина [203; 352; 491; 765–766; 913], П. А. Кропоткина [584–586; 850; 864]. Зарождение и место в политической борьбе бланкизма исследовали В. П. Волгин [160] и Ю. М. Стеклов [914].

Сложилась достаточно обширная библиотека трудов о французских социалистах. Жюлю Геду посвятил свою работу И. Д. Белкин [68], Полю Лафаргу – Х. Н. Момджян [651]. Последней по времени издания стала книга Е. М. Макаренковой [574]. Центральной проблемой ее исследования, как пишет автор, «является сама фигура П. Лафарга как политического деятеля, органически связанного с развитием французского рабочего и социалистического движения» [574, с. 12]. Политическую биографию Жана Жореса написал Н. Н. Молчанов [649].

В связи со столетием со дня рождения Фердинанда Лассалья книги о его роли в германском социал-демократическом движении издали И. М. Майский [571–572], Д. О. Заславский [345], П. С. Виноградская [150]. При этом оценки Лассалья были различны. Если Майский высоко оценивал его роль в социал-демократическом движении, а вопрос о взаимоотношениях с Марксом практически не поднимал, то Заславский и Виноградская стремились показать оппортунизм лассальянства в отличие от революционного марксизма. Серия работ посвящена биографиям марксистских лидеров Социал-демократической партии Германии: А. Бебелю [700], К. Либкнехту [194], Р. Люксембург [266]. Идеологические и исторические взгляды Франца Меринга, крупнейшего теоретика германских левых социал-демократов, раскрыты в книгах Б. Чагина [1018], А. Гагарина [167], А. Г. Слущкого [881]. Каждый из этих авторов стремится показать путь Меринга к революционному марксизму, его вклад в развитие философии, этики, эстетики, литературоведения, истории военного искусства, рабочего и социалистического движения, создание первой научной биографии К. Маркса.

Сущность спора между марксизмом и ревизионизмом раскрывает книга Е. Л. Петренко [760]. Центризму посвящена монография Ю. М. Чернецовского «Революционные марксисты против централизма» [1023] и С. М. Брайовича «Карл Каутский – эволюция его воззрений» [95]. В последней с марксистских позиций анализируются философские, этические и социально-политические взгляды Каутского, его воззрения по предмету истории христианства, социалистических учений, марксизма. Пафос работы направлен на осуждение взглядов и деятельности Каутского, которые, по мнению Брайовича, как и всех ортодоксальных марксистов, отличали «расплывчатость, неопределенность, уклончивость в принципиальных вопросах марксистского мировоззрения и методологии», что имело «своим конечным результатом переход Каутского с революционного пути на реформистский, отказ от участия в политике и борьбе классов» [95, с. 214].

В 1984 г. Институт философии АН СССР и Академия общественных наук при ЦК КПСС издали фундаментальный труд «Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX – начале XX века» [590]. В нем представлены биографии и проанализированы теоретические воззрения А. Бебеля, К. Каутского, П. Лафарга, З. Бернштейна, К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга и некоторых других, как сказано в книге, «видных учеников Маркса и Энгельса <...> немало сделавших для пропаганды марксизма в социалистическом движении, защиты марксизма и применения его к решению новых проблем социальной практики» [590, с. 3]. Политическую деятельность К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга, К. Цеткин осветил также Я. С. Драбкин [259].

В первые годы Советской власти для массового читателя публиковались небольшие, объемом от 15 до 50 страниц, брошюры о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Их авторами были виднейшие деятели Коммунистической партии А. В. Луначарский, Е. М. Ярославский, В. В. Воровский. В 1935 г. Е. А. Степанова опубликовала, а в 1956 и 1980 гг. переиздала биографию Ф. Энгельса, которую оценивали как первое научное исследование его жизни и деятельности [920–921]. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС двумя изданиями 100-тысячным тиражом каждую выпустил ставшие в советское время каноническими биографии К. Маркса [420] и Ф. Энгельса [988].

Франковедение. В 1917–1945 годах изучение истории Франции тематически концентрировалось вокруг проблем революционного, социалистического и рабочего движений. Тарле, обратившись к промышленной революции в ее социальных аспектах, осветил выступления рабочих Парижа и провинции против внедрения машин с акцентом на лионских восстаниях 1831 и 1834 годов [931]. О лионских восстаниях написал монографию и Ф. В. Потемкин, охарактеризовавший их как первые великие революционные выступления в условиях буржуазной монархии [776]. И. Н. Бороздин еще в 1906 г. предпринял попытку представить на примере Франции историю рабочего движения XIX века [93]. В советское время он вновь вернулся к этой теме [94]. Кризис французского синдикализма в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, стал темой труда В. М. Далина [225]. Развитие синдикатов и борьбу течений в профессиональном движении показала Т. В. Милицина [619]. Другие исследователи, число которых было невелико, писали работы либо обзорного (М. Н. Покровский «Франция до и во время войны» [769]), либо популярного характера (Е. Н. Водовозова «Как люди на белом свете живут. Французы» [155]), либо по отдельным проблемам, как П. Г. Мижухов о народном образовании [616]. Совершенно не были представлены монографические работы по проблемам конституционализма, характера и особенностей политических систем, реформирования государственного механизма и расширения гражданских прав и свобод в последней трети XIX – начале XX в.

В послевоенный период, как и в 1930-е годы, тематика исторических исследований формировалась по принципу соответствия критерию «актуальности», под которой понимались идеологически значимые сюжеты. Российский историк А. В. Гордон рассказывает о «технологии» определения темы будущего исследования: «Придя в аспирантуру к Манфреду в 1961 г., я попросил у него в качестве диссертационной темы падение якобинской диктатуры. Ман-фред возразил, сославшись на ее “непроходимость”, а спустя 10 лет сам предложил Е. В. Киселевой историю термидорианского переворота. “Теперь это можно”, – отметил он. Какие конкретно изменения имел в виду Манфред, говоря в обоих случаях “теперь”, могу только догадываться. Однако суть мне была очевидна: в те годы подобные намеки означали, как правило, “режимность” темы, нежелательность ее разработки по тем или иным идеологическим мотивам, и снятие таковой» [201, с. 47–48]. Тем не менее с окончанием войны, когда один за другим появляются крупные обобщающие труды, в историографии наметился несомненный прорыв. Хотя все они базировались на методологии марксизма-ленинизма, а значит, ключевыми темами при изложении политической жизни были рабочий класс и классовая борьба, значение их нельзя недооценивать: богатый фактический материал давал широкую панораму исторического пути зарубежных стран.

Франковедение обогатилось новыми именами и книгами. Э. А. Желубовская опубликовала книгу «Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции» [279]. А. Е. Рогинская изложила социально-экономическую и политическую историю Франции с середины XVII в. до Франко-прусской войны и Парижской Коммуны [833]. А. З. Манфред представил читателю очерки по истории Франции XVIII–XX веков [580]. В. И. Антюхина-Московченко издала труд «История Франции. 1870–1918» [40], вышедший вторым изданием в 1986 г. под названием «Третья республика во Франции. 1870–1918» [41]. Работы эти

при богатстве фактического материала односторонне идеологизированы, оценки и выводы во многих случаях современной наукой пересмотрены. Например, в трудах Антюхиной-Московченко прослеживаются важнейшие аспекты внутренней политики правящих кругов Франции, но бонапартизм в ее интерпретации – это форма диктатуры буржуазии, Парижская Коммуна – первый опыт диктатуры пролетариата, Конституция 1875 г. чрезвычайно антидемократична, умеренные республиканцы с приходом к власти «сохраняли в своем арсенале демагогическую фразеологию», радикалы не лучше: «с выделением радикалов в самостоятельную партию ее руководящий состав <...> объективно выполнял задачу обмана широких народных масс». Крупным событием стал выход трехтомной «Истории Франции» [407]. Это был первый, включая российскую дореволюционную научную литературу, сводный фундаментальный труд, охватывающий огромный период – от галльских времен до первой половины 70-х годов XX в. Событиям от революции конца XVIII в. до Первой мировой войны посвящен второй том, написанный крупнейшими советскими франковедами: А. З. Манфредом, В. М. Далиным, А. И. Молоком, Ф. В. Потемкиным, Н. Е. Застенкером, Э. А. Желубовской, В. И. Антюхиной-Московченко. Но и этот труд носит отпечаток своего времени: основная линия развития Франции представлена сквозь призму политической борьбы, революций, войн, рабочего движения.

Знаковым событием стали публикации С. Н. Гурвич, которая впервые за долгие годы вышла за рамки изучения одних только рабочих и социалистических партий и обратилась к исследованию истории возникновения и политической практики партии радикал-социалистов [220]. Но и в ее труде политические цели радикалов-социалистов обрисованы достаточно однозначно: «Используя заинтересованность рабочего класса в демократизации страны и обещая провести в будущем некоторые социальные реформы, радикалы стремились привлечь на свою сторону часть рабочего и социалистического движения. Во включении социалистов в левый блок, в провозглашении политики, выразившейся в лозунге “слева врагов нет”, они видели лучший, более действенный метод борьбы против революционного пролетариата, нежели неприкрытое объявление войны всем социалистическим течениям, а в их лице – рабочему классу, как это делали лидеры более правых буржуазных партий и группировок во Франции в последней трети XIX в.» [220, с. 300].

Большим охватом спектра политических партий отличается крупное исследование В. Н. Чернеги «Буржуазные партии в политической системе Франции: Третья – Пятая республики» [1022]. Новую для советской науки тему развития социального католицизма после обнародования в 1891 г. Папой Львом XIII энциклики *Reverum novarum* (О новых вещах) разработали Ю. И. Рубинский [847] и Т. В. Хасина [992]. Истории социальной мысли посвятил свои труды В. М. Далин [226–227]. Коллекцию политических биографий пополнила работа Д. П. Прицкера о Жорже Клемансо. Свою задачу автор видит в том, «чтобы не сбиться на изложение самих исторических событий, раскрывать эти события через восприятие их человеком, которому посвящена книга, объяснить побудительные причины и подлинный смысл его действий на разных этапах жизни...» [785, с. 6]. Е. М. Макаренкова показала эволюцию взглядов от прудонизма к социализму и роль в создании Рабочей партии Поля Лафарга, «чье имя в галерее портретов французских социалистов по сравнению, например, с Ж. Гедом и Ж. Жоресом, занимает, по мнению автора книги, незаслуженно скромное место» [574, с. 3].

Усилиями одного из крупнейших советских историков Ф. В. Потемкина получила возвращенное освещение история промышленной революции. К этой теме он впервые обратился в 1929 г. публикацией статьи «Промышленная революция во Франции. Переворот в шелкопрядельном производстве» в журнале «Историк-марксист». За ней последовал ряд других работ, а конечным результатом стал двухтомный фундаментальный труд «Промышленная революция во Франции» [777]. Хотя монография Ф. В. Потемкина посвящена Франции, исследуемые в ней вопросы имеют принципиальное значение для понимания процесса перехода буржуазного общества от мануфактурной стадии в развитии промышленного капитализма к индустри-

альной в глобальном масштабе. Потемкин детально раскрыл социально-экономический смысл понятия «промышленная революция», под которой понимал процесс развития производительных сил и производственных отношений в период перехода капитализма от мануфактурной стадии к стадии фабричного производства. Начало промышленной революции в шелкопрядельном производстве Потемкин отнес к 1825–1855 гг. Исследование промышленной революции у Потемкина включило не только область технических новшеств, но и всю совокупность их социальных последствий: жизненный уровень трудящихся масс, классовую борьбу и ее результаты на разных этапах промышленной революции. Этим темам посвящен второй том исследования, вышедший с подзаголовком «Положение трудящихся масс и социальные движения».

А. В. Ревякин в работе о буржуазии после Французской революции отказался от признания универсального характера английской модели промышленного переворота, сопровождавшегося экспроприацией крестьянства и образованием крупных земельных поместий, и пришел к выводу, что во Франции промышленный переворот не поколебал устойчивость мелких крестьянских хозяйств и капиталистическую мануфактуру [820]. Ю. Г. Трунский рассмотрел тенденции развития французской деревни в XIX – XX веках. Его общий вывод: «Французское крестьянство, составлявшее боевую армию буржуазной революции конца XVIII в., участие которого в революции наложило глубокий отпечаток на всю дальнейшую историю страны, во второй половине XIX в. начало терять свои позиции в пользу хозяйств капиталистического типа, а в эпоху империализма стало жертвой буржуазного строя, защитником которого в большинстве своем оно было в конце XVIII – первой половине XIX в.» [945, с. 278].

В русле магистрального курса советской исторической науки на протяжении многих десятилетий велись широкомасштабные углубленные исследования Парижской Коммуны. Собственно, истоки ее изучения российской историографией уходят еще в дореволюционное время. Участник тайного общества «Земля и воля» П. Л. Лавров, будучи в эмиграции, в 1879 г. издал книгу «Парижская Коммуна 18 марта 1871 года», в советское время ее четырежды переиздавали [519–520]. Один из авторитетнейших исследователей Коммуны Н. М. Лукин заметил, что эта книга дает «поразительно верное разрешение многих тактических проблем пролетарской революции». В. А. Быстрянский, также еще до революции 1917 г. занимался Коммуной, в 1918 и 1921 гг. выпустил книги о ней [119]. Он, придерживаясь марксистской концепции, полагал, что парижский пролетариат создал первое в мире пролетарское государство, а поражение Коммуны связывал исключительно с германской интервенцией. Тогда же, в 1921 г., вышло первое издание книги И. И. Скворцова-Степанова «Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики пролетарской революции» [878–879]. Эту работу высоко оценили, неоднократно переиздавали (последнее 7-е издание вышло в 1938 г.) и, тем не менее, критиковали, ставя Скворцову-Степанову в вину утверждение о том, что революция 18 марта началась при идейной гегемонии мелкобуржуазной интеллигенции, а основную массу революционеров составил не промышленный, а ремесленный пролетариат.

Не меньшую роль в определении основных направлений и проблем изучения истории Коммуны сыграла вышедшая в 1922 г. монография Н. М. Лукина «Парижская Коммуна 1871 г.» [553]. В 1924 и 1926 гг. ее переиздали полностью, а в 4-м издании 1932 г. опубликовали первую часть, раскрывающую события Второй империи и деятельность Правительства национальной обороны [554–556]. Несмотря на все, с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, достоинства этого труда («это была первая пролетарская социалистическая революция, первая попытка пролетариата дать буржуазии генеральное сражение»), официальное руководство исторической наукой признало книгу Лукина не вполне отвечающей марксистско-ленинской концепции. Сам Лукин вынужден был покаяться в своих «ошибках»: «наиболее важными из них являются, во-первых, характеристика Коммуны как “диктатуры пролетарского города над сельским населением”, во-вторых <...> утверждение, что “Коммуна (ее Совет) не представляла собой государства советского типа”» [556, с. 7–8].

В 1930-е гг. продолжалось активное изучение предистории и истории Парижской Коммуны. О ней писали, освещая ее историю комплексно (А. И. Молок [641], О. Л. Вайнштейн [121], П. М. Керженцев [431–432]) или прослеживая отдельные направления деятельности: А. И. Молок (военная организация, белый террор, народное просвещение, быт и культура, отношение к крестьянству) [642–645], С. Н. Красильников (боевые действия) [500], Ю. И. Данилин (театральная жизнь) [228], А. С. Гущин (Коммуна и художники) [222], Я. М. Михайлов (Захер) (Коммуна и церковь) [637]. К теме участия женщин в деятельности Коммуны обратились Е. Г. Денисова [235], О. В. Неустроева [668], С. Б. Кан [414].

С окончанием Великой Отечественной войны исследование истории Коммуны было продолжено. Вышли труды к юбилейным датам: 90-летию («Парижская Коммуна 1871 года» в 2-х томах) [740], 100-летию («История Парижской Коммуны 1871 года») [404], 110-летию («Парижская Коммуна 1871 года: Время – события – люди») [741]. Ряд книг посвящен отдельным направлениям ее деятельности: юстиции [48], биографиям видных деятелей [650; 885], женщинам – участницам Коммуны [440]. Проведен анализ периодической печати Коммуны [579]. Сделана попытка выявить интернациональное наследие Коммуны [388] и отклики на нее в отдельных странах [268]. Исследована деятельность Коммуны с точки зрения обогащения ее опытом теории марксизма [739]. Во всех этих изданиях авторы следуют оценкам Маркса, Энгельса, Ленина и трактуют события исходя из теоретических постулатов о сломе буржуазной государственной машины и установления диктатуры пролетариата. Парижская Коммуна представлена важной вехой в развитии пролетарского интернационализма и солидарности, воплощением марксистского учения об исторической миссии пролетариата – сломать буржуазную государственную машину и овладеть политической властью. В этом плане общий вывод сводится к утверждению, что Коммуна представляла собой первый опыт диктатуры пролетариата. Современная историография ушла от подобных оценок. Например, А. В. Ревякин полагает, что «Парижская Коммуна была кратковременным событием локального значения» [366], а в «Истории Европы» он ограничился констатацией: программа Коммуны «была общим достоянием французских демократов середины XIX в.» [399, с. 392]. Этот же вывод он повторил в «Истории Франции» [42, с. 274]. Белорусский университетский учебник Новой истории также оценивает Коммуну не как диктатуру пролетариата, а как форму организации власти, выражающей интересы всего населения Парижа [1028, с. 209].

Германистика. По германской тематике было создано немного трудов, лишь Н. М. Лукин опубликовал «Очерки по новейшей истории Германии», хронологически охватывающие конец XIX – начало XX веков [559]. Написанная в форме очерков, книга ставила целью представить социально-экономическую и политическую историю Германии с особым акцентом на рабочем движении и критике взглядов Ф. Меринга, по мнению Лукина, недооценивавшего опасность ревизионизма.

Первые послевоенные, как и предвоенные, годы оказались чрезвычайно скудными на исследования по германистике, видимо, сказывалась трагическая память войны. Только Ф. А. Ротштейн в контексте объединения Германии осветил Австро-прусскую (1866 г.) и Франко-прусскую (1870–1871 гг.) войны. По словам автора, история этих войн «есть, по существу, история территориального и политического возвышения Пруссии и захвата ею власти над всей Германией» [843, с. 3]. Тогда же, в 1945 г., вышла книга А. М. Петрушова об аграрном строе Германии с 1882 по 1939 г. [761]. Затем наступил длительный перерыв. Лишь в 1959 г. были изданы очерки по истории Германии начала XX в. К. Д. Петряева [763] и научно-популярный труд по истории Германии с древнейших времен до 1918 г., ориентированный на школьных учителей истории [731]. Еще спустя два года появилась книга А. Д. Эпштейна «История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г.» [1062]. После выхода этих трудов понадобилось почти десятилетие для подготовки и публикации коллективом авторов двухтомного обобщающего труда «Германская история в новое и новейшее время» [189].

Чрезвычайно скромными, ограниченными лишь несколькими крупными трудами, оказались масштабы монографической разработки вопросов внутриполитического развития Германии. И. С. Галкин выявил предпосылки, процесс создания, социально-экономические и политические итоги образования Германской империи [174–175]. В. П. Прокопьев показал место и роль армии в истории Германии и выявил тенденции развития германской государственности [803–804]. А. Б. Цфасман исследовал политику буржуазных партий в связи с рабочим движением в начале XX века [1016–1017]. С. В. Оболенская противопоставила отношение к Франко-прусской войне правящих верхов Пруссии и оппозиционных кругов южногерманских государств [696]. Последняя из названных работ была опубликована в 1977 г. Затем вновь наступил длительный перерыв: только в 1986 г. вышел коллективный труд о производительных силах и монополистическом капитале в России и Германии в конце XIX – начале XX века [801]. За ним последовали другие: в 1988 г. коллектив авторов опубликовал труд о крупных аграриях и промышленной буржуазии России и Германии в конце XIX – начале XX в. [505], И. И. Костюшко – о прусской аграрной реформе [496].

«Биографическая германистика» ограничилась лишь личностью канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка. Одним из первых был А. С. Ерусалимский. Тему своего исследования он обозначил в названии книги: «Бисмарк: дипломатия и милитаризм» [276]. В предисловии к ней М. Я. Гефтер отметил, что для Ерусалимского одной из центральных была проблема «возрастания роли милитаризма во всей политике Германии, раскрытия *механизма агрессивного самодвижения* этой политики». С другой стороны, «чем больше вовлекались в колониальные авантюры придворные и аристократические сферы, разные группы юнкерства, тем легче было канцлеру осуществлять свою внутриимперскую политику, а главные выгоды ее неизменно доставались прусской военной верхушке» [276, с. 10]. В. В. Чубинский издал политическую биографию Бисмарка. Взяться за ее написание побудило автора то соображение, что «основанный на марксистско-ленинской методологии научный анализ исторической роли Бисмарка – составная часть борьбы против всякого рода “вечно вчерашних” империалистических идеологов» [1034].

Значительное место в историографии социалистического и рабочего движения заняли труды о германской социал-демократии, рабочем и социалистическом движении второй половины XIX – начала XX в. Сложилась активная группа германистов, специализировавшихся по этой проблеме. Опубликовали свои работы В. А. Козюченко [447], З. К. Эггерт [1056], Б. А. Айзин [8–9], Ф. Ф. Головачев [198], А. М. Миркинд [628], Н. Е. Овчаренко [700–702]. Лейтмотивом этих работ является осуждение «теоретической слабости» левого, марксистского течения германского рабочего движения, равно как и «разоблачение предательской роли бернштейнианского ревизионизма и каутскианского центризма». Например, Овчаренко решительно неприемлет концепцию Бернштейна, которую представляет в виде «новейшей проимпериалистической разновидности реакционного либерального социализма», столь же критичен он и по отношению к Каутскому: «марксизм Каутского был скорее потребностью для умственных занятий, чем духовным оружием для революционного преобразования мира пролетариатом» [702, с. 238, 259].

Англоведение. Традиции дореволюционного англоведения продолжали активно развиваться в начальный период советской историографии. В эти годы издаются крупные труды ученых, сложившихся еще в дореволюционный период. С установлением Советской власти эти историки либо переиздали свои прежние работы, либо выпустили новые. В 1918 г. третьим изданием вышла работа А. Ф. Быковой «История Англии с XI века до начала мировой войны» [118]. Были изданы работы П. М. Керженцева о современной на то время Англии [427–428] и Ирландии [429–430]. Вышли труды В. Н. Дурденевского об иностранном конституционном праве [262] и Г. С. Гурвича о политическом строе Англии [219]. Все эти книги развивали сюжеты, в той или иной степени затронутые в дореволюционной историографии, можно ска-

зять, их авторы имели тематических предшественников. Великобритания в них представлена как страна «классического конституционализма». Впервые на русском языке вышел известный во всем мире труд М. Я. Острогорского «Демократия и политические партии». Первый том этого двухтомника посвящен Англии [723]. В нем Острогорский дал характеристику политических партий в условиях демократии и политического равенства, исследовал становление и развитие организационных структур и формирование идеологии английских либералов и консерваторов, показал процесс превращения партий в консолидированные организации, не имеющие никакой другой цели кроме собственного роста. В связи с этим он уделил большое внимание анализу кокуса – административного ядра партий. Кокус, возникнув как специализированный орган, обеспечивающий связь парламентских партий с массами избирателей, со временем становится институтом, занимающимся пропагандой партийной идеологии и координацией партийной работы в парламенте и в массах. Острогорский считал, что политические партии вместо выполнения своей ключевой функции посредника между гражданским обществом и государством стали орудием реализации во властных структурах групповых интересов партийных элит. Поэтому для нормального развития демократического строя необходима замена партий свободными лигами, образующимися ради достижения определенных целей.

Трудившиеся в Советской стране «буржуазные историки Запада», сложившиеся как ученые в дореволюционное время, вызывали недоверие. Когда выпустили книгу известного исследователя англо-саксонского мира П. Г. Мижуева о народном образовании, в том числе британском [615], в предисловии Г. Бергман предостерег читателей: «изучая опыт других государств, мы обязаны относиться к нему *критически*. Чужие образцы мы не можем перенимать целиком и безоговорочно <...> В этом отношении книжка профессора Мижуева страдает значительными недостатками. Автор, очевидно, не владеет оружием марксизма – отсюда его ошибки, отсюда неспособность разобраться в действительных “пружинах” общественного развития» [73, с. 3–4].

В скором будущем творческие достижения «буржуазных историков Запада» будут окончательно низвергнуты, а сами они подвергнуты осуждению – об этом уже говорилось выше.

В 1920-е гг. появился ряд работ, ставивших новые проблемы, прежде всего, социально-экономического характера. Началось изучение промышленной революции и ранней истории классовой борьбы пролетариата. Ф. А. Ротштейн в «Очерках по истории рабочего движения в Англии» осветил чартистское движение как классовое и политическое, выражавшее интересы не только пролетариата, но и подавляющей части народа. Чартистское движение, по Ротштейну, оказало влияние и на складывание взглядов Маркса и Энгельса. Еще одна ключевая тема этого труда – первые годы становления Лейбористской партии и формирование ее идеологии, в оценке книги, «оппортунистической» по политической направленности, что напрямую связывалось с относительным улучшением материального положения рабочего класса Англии во второй половине XIX в. Ротштейн делал вывод об обреченности политики соглашательства лейбористов с либералами ввиду «неизбежной победы мировой революции» [840–841]. В целом благожелательно оценивая труд Ротштейна, историческая критика того времени находила в нем и недостатки, в частности, полагали, что Ротштейн не выявил должным образом историческое значение чартизма, причины оппортунизма в рабочем движении, зависил данные о жизненном уровне английских рабочих. Несмотря на критику, книга Ф. А. Ротштейна легла в основу советской историографии чартизма. В ней чартизм определялся в качестве начального этапа «классового политического движения современного пролетариата», представлялся как попытка создания его политической партии, а его поражение связывалось с завершением промышленного переворота и превращением Англии в «мастерскую мира», что позволило правящим классам подкупить рабочую верхушку. Такой подход к рассмотрению чартизма стал господствующим в трудах советских историков и в последующем.

Внедрение идеологического постулата о решающей роли рабочего класса в мировом революционном процессе обусловило повышенное внимание к рабочему и социалистическому движению. Применительно к Великобритании для этого случился и удачно соотнесшийся с веяниями эпохи повод. В 1923 г. первое лейбористское правительство возглавил Рамзей Макдональд, с 1886 г. член Фабианского общества, с 1894 г. член Независимой рабочей партии и с 1900 г. секретарь Комитета рабочего представительства, как первоначально называлась Лейбористская партия. Это событие вызвало появление в СССР ряда работ, в которых исследовалась политическая карьера лейбористского лидера. Одним из первых был С. Д. Мстиславский с книгой «Рабочая партия от О’Брайена к Макдональду» [658]. В упоминавшихся выше «Очерках по истории рабочего движения в Англии» Ф. А. Ротштейн также останавливался на деятельности Макдональда в качестве секретаря *Комитета рабочего представительства*. В 1929 г. В. Я. Яроцкий (псевдоним А. Чекин) издал первую в СССР политическую биографию Макдональда. По мнению автора, в первоначальный период политической карьеры Макдональд «не поднимается над уровнем среднего фабианца», хотя и выделяется среди других рабочих лидеров некоторыми качествами, которые позволили ему в будущем стать вождем английских рабочих. Большое внимание в книге Яроцкого уделено истокам политических взглядов Макдональда, для более выпуклой иллюстрации их приведены значительные по объему выдержки из произведений лейбористского лидера. Макдональд, в оценке Яроцкого, предстает в виде «мессии мирового реформизма», в связи с чем большая часть книги посвящена критике его реформистских позиций [1019].

В 1920-е гг. увидели свет работы, ставившие новые проблемы, прежде всего, социально-экономического характера. В. Н. Перцев в труде «Экономическое развитие Англии в XIX в.» обратил внимание на то, что «настоящая эра капитализма началась лишь с тех пор, как капиталы, нажитые на торговле, связались с промышленностью, сначала мелкой, затем и крупной». Эту мысль он подчеркнул еще раз: «Возникновение домашней формы крупной промышленности и было началом капиталистических отношений». Затем последовали мануфактурная и машинная промышленность, которые также основаны на эксплуатации, главным образом, производителя [757, с. 83, 85]. Началось изучение промышленной революции и ранней истории классовой борьбы пролетариата. А. А. Васютинский в книге «Разрушители машин в Англии» сделал попытку анализа луддитского движения в Англии, пик которого пришелся на 1811–1817 годы [122]. Симпатии к сторонникам «физической силы», готовым перейти к насильственным методам борьбы, отчетливо проявляются в его работе. Эти «симпатии» прочно обоснуются в работах советских историков последующего периода, тема же истории рабочего движения на долгие годы станет доминирующей в англоведении.

В 1930–1940-е годы в связи с общим положением в советской исторической науке исследования по истории Великобритании резко сократились. Редким исключением стал вышедший двумя изданиями труд Г. И. Быкова по истории чартизма [116–117] и исследования В. М. Лавровского, посвятившего свои изыскания капиталистическому преобразованию аграрного строя Англии вследствие ликвидации системы общинных полей (огораживаний), исчезновения крестьянства и развития крупного капиталистического фермерского хозяйства [522–523]. К ним можно лишь добавить вышедший в 1943 г. обширный, объемом в 464 страницы, энциклопедический справочник «Британская империя» [108]. Раздел «История» в нем написал известный советский историк А. А. Губер, после Великой Отечественной войны ставший академиком, председателем Национального комитета историков Советского Союза и президентом Международного комитета исторических наук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.